

ДАНИЭЛЛА
РОЛЛИНС

Деревья

Судеб

Одно прошлое. Две девушки.
Бесконечное будущее.

Темные звезды

Даниэлла Роллинс
Переплетения судеб

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Роллинс Д.

Переплетения судеб / Д. Роллинс — «Эксмо», 2020 — (Темные звезды)

ISBN 978-5-04-115594-0

После того как Дороти попала в туннель времени и пространства, все изменилось. Она оказалась в 2076 году. Ее волосы побелели, а лицо изуродовано шрамом. Чтобы выжить в жестоком мире будущего, Дороти вместе с Романом примкнула к знаменитой банде. Эш продолжает верить, что Дороти не погибла. Но найти ее будет нелегко, ведь их могут разделять сотни лет. У Эша не осталось времени. Скоро исполнится видение, в котором он погибнет от руки девушки с белыми волосами.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-115594-0

© Роллинс Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	12
3	20
4	25
5	32
6	34
7	39
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Даниэлла Роллинс

Переплетения судеб

Danielle Rollins
TWISTED FATES

© 2020 by Danielle Rollins

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers

Jacket art © 2020 by Vault49

© Самарина А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть 1

Когда-то путешествия во времени были сказкой, а мы читали о них лишь на страницах научно-фантастических книг. Но теперь это сугубо техническая задача.

Митио Каку

1

Дороти

18 МАРТА 1990 ГОДА, БОСТОН

Дороти сидела в салоне красного «Доджа Дайтона», закинув ногу на ногу и барабаня пальцами по колену. За рулем был Роман. Прильнув к водительской двери, он высунулся в окно и окинул внимательным взглядом темные улицы города.

Сидеть в машине было не слишком-то приятно. Воздух был спертым, и в нем отчетливо ощущался застарелый запах картошки фри и бензина. Обогрев они включать не стали, и сквозь щели в окнах внутрь проникала прохлада, от которой кожа покрывалась мурашками.

А еще в машине не работало радио. При желании можно было послушать только кассету с синглом Пола Абдул «Хладнокровный»¹, которая стояла в магнитоле. Но за последние дни они включали ее уже раз эдак пятьдесят.

«Он – хладнокровный змей», – пронеслись у Дороти в голове слова песни. Кажется, она даже начала напевать ее вслух, потому что Роман метнул в нее раздраженный взгляд.

Она опустила взгляд на электронные часы на приборной панели и не отводила его, пока «01:18» не превратилось в «01:19».

Потом взглянула на отражение улицы в зеркале заднего вида. В доме в нескольких метрах от них устроили шумное празднование по случаю Дня святого Патрика, но большинство гостей уже разошлись. Последние двадцать минут дверь оставалась плотно закрытой. На улице было пусто. Асфальт поблескивал после недавнего дождя.

Сердце у Дороти застучало быстрее. Она вдохнула – глубоко и неторопливо, но невольно содрогнулась от запаха картошки фри. А потом потянулась к двери.

– Пора.

Роман окинул ее оценивающим взглядом.

– Сперва усы приклей.

Дороти повернула зеркало, чтобы лучше видеть свое отражение. Искусственные усы, которые она приклеила над верхней губой, были частью маскировки, но они так и норовили отвалиться.

Дороти плотнее прижала их, поморщившись, когда клей коснулся кожи. Та неприятно зазудела.

– Так лучше?

– Слишком уж ты хорошенькая, чтобы сойти за мужчину, – заметил Роман, вновь оглядев ее с ног до головы.

Губы у Дороти дрогнули, и усы снова отклеились. Она понимала, что это лишь шутка. Хорошенькой она была в далеком прошлом. После того, как она упала с корабля и пролетела по анилу – туннелю, сотканному из времени и пространства, – все изменилось. Ее волосы побе-

¹ Cold-Hearted. – Примеч. ред.

лели, а от удара осколком машины времени на лице остался зазубренный шрам. Он начинался у самого виска, пересекал веко, тянулся вдоль носа, а заканчивался только у уголка губ. Теперь ее только с огромной натяжкой можно было назвать хорошенькой.

Скорее...

Необычной.

– От красавчика слышу, – парировала она. И это уже была правда. Роман и впрямь был до неприличия красив для мужчины: льдисто-синие глаза, смуглая кожа, непослушные черные волосы, которые всегда, как бы ни были растрепаны, смотрелись эффектно.

– Засчитано, – ответил Роман. Ради сегодняшней вылазки он отрастил себе настоящие усы и надел очки без диоптрий в золотистой оправе, чтобы казаться старше. И в это мгновение он многозначительно приспустил их на кончик носа и воззрился на Дороти, соблазнительно вскинув бровь.

В этом наряде он походил скорее на профессора колледжа в исполнении голливудской кинозвезды, чем на полицейского.

Впрочем, его жест произвел на Дороти незамедлительное впечатление. Она тут же согнулась пополам от хохота, а Роман озадаченно посмотрел в зеркало.

– Что, я перебрал с неотразимостью? – спросил он, отбросив со лба непослушную прядь.

– Сомневаюсь, что в пустом музее, да еще в час ночи, ты обзаведешься толпами фанатов, – с усмешкой заметила Дороти.

– Да, но ведь там будут камеры видеонаблюдения! Ты же сама говорила о фотороботах!

– То есть ты хочешь, чтобы у тебя были самые красивые фотороботы на свете?

– Честно говоря, я совсем не прочь, чтобы в фильме по мотивам сегодняшних событий меня сыграл Кларк Гейбл.

Дороти вновь не смогла сдержать улыбки. Смерть от скромности ее напарнику точно не грозила.

– У тебя все даты в голове перепутались, – заявила она, распахнув дверь машины. – Кларк Гейбл умер в 1960-м. А на дворе 1990-й, – сообщила она и замолчала ненадолго, напустив на себя задумчивый вид. – Может, Бен Аффлек сойдет?

Роман метнул в нее испепеляющий взгляд.

Они вышли из автомобиля, пересекли улицу, залитую тусклым желтым светом фонарей, и остановились у кованого забора. За деревьями высилось кирпичное здание, утонувшее в тени.

«Музей Изабеллы Стюарт Гарднер», – пронеслось в голове у Дороти. Она озадаченно нахмурилась. Раньше она видела это здание только на фотографиях и не ожидала, что оно окажется таким маленьким.

На кирпичной стене у калитки висела черная коробка – интерком. Год назад Дороти не знала, что это такое и как оно работает, но теперь склонилась к устройству и уверенно нажала на кнопку звонка.

Послышался шум помех, а потом и мужской голос.

– Чем могу помочь?

– Бостонская полиция, – подал голос Роман. – Нам поступило сообщение о беспорядках во внутреннем дворе.

Он показал в камеру над забором, о существовании которой ему рассказала Дороти, маленький золотой полицейский жетон. Охранник музея увидел ровно то, что им и было нужно: двоих полицейских в темно-синей форме.

Из динамика донесся пронзительный писк – это охранник отключил сигнализацию, впуская их.

Дороти вновь посетило чувство дежавю, а по спине пробежал знакомый холодок. Фоторобот грабителей висел у нее на зеркале, в отеле «Фейрмонт». Он не мог похвастаться четко-

стью, но Дороти была абсолютно уверена, что под личиной одного из воров (того, что пониже) скрывалась она сама. Она прочла все новостные сводки, где только говорилось об этом ограблении, и повсюду упоминалось, что преступников так и не поймали.

И в этом была логика. Если преступники и впрямь были путешественниками во времени, схватить их было попросту невозможно.

Они с Романом зашагали по тротуару ко входу в музей. Дороти скользнула взглядом по двум каменным пантерам, охранявшим двери, и ее вдруг захлестнула волна восторга. До этого она рассматривала их только на снимках, но теперь они предстали перед ней воочию! Всякий раз, встречаясь в реальности с тем, о чем она когда-то читала лишь в газетах, Дороти испытывала трепет и волнение.

Они распахнули входную дверь безо всякого стука и зашли внутрь, гулко шагая по мраморному полу. Неподалеку от двери они увидели стойку охраны. Пожилой афроамериканец, заведя их, поднялся из-за стола. Он был высоким и широкоплечим, а в густой бороде серебрилась седина. Он окинул гостей подозрительным взглядом и нахмурился.

Так, это, значит, Аарон Робертс.

– Вообще-то мне запрещено пускать посторонних, – сощурившись, произнес он. – Но вы ведь из полиции?

Роман кивнул.

– Все верно, сынок. Нам поступило сообщение, что во внутреннем дворе не все спокойно, и мы должны это проверить. Не могли бы вы...

Роман вдруг осекся и склонил голову набок.

– Вот так чудеса.

Охранник вздрогнул и в замешательстве оглянулся, точно испугавшись, что у него за спиной, в полумраке, кто-то прячется.

– Чудеса? О чем это вы?

– Вы ужасно похожи на одного человека, которого мы ищем, – Роман выразительно потер подбородок и, кивнув на охранника, вопросительно посмотрел на Дороти. – Это же вылитый Дин Моррис, скажи?

Это имя они выдумали. Ни в каких отчетах, статьях и книгах оно не фигурировало – они просто взяли его из головы. Охранник нахмурился.

– Какой еще Моррис? – переспросил он.

– Пожалуйста, выйдите из-за стойки и покажите удостоверение личности, – приказал Роман.

Этот маневр был необходим. Под столом охранника располагалась «тревожная кнопка» – единственная во всем здании. Задача состояла в том, чтобы увести Робертса как можно дальше от нее, чтобы их миссии уже ничего не угрожало.

Робертс послушно вышел из-за стойки.

– Никакой я не Дин, – заверил он их, торопливо доставая из кармана кошелек. Выудив из него водительские права, он протянул их Роману. – Видите?

Роман едва удостоил документ взглядом.

– Само собой, – ответил он, снимая с ремня пару тяжелых наручников, и кивнул на стену. – Мистер Робертс, встаньте-ка лицом к стене, пока мы тут все не прояснили.

Охранник послушно повернулся.

– Но я ведь ни в чем не виноват!

– Волнения ни к чему, сынок. Если будете вести себя смирно, ничего страшного вам не грозит. – Роман защелкнул наручники на запястьях Робертса.

Дороти с трудом спрятала улыбку. Забавно было слышать, как Роман называет «сынком» человека, который ему в отцы годится.

– Что тут, черт возьми, происходит? – слышалось позади.

«Второй охранник», – пронеслось в голове у Дороти. Все происходило в точности так, как в прочитанных ею сводках. Чувство было такое, будто она сама это все спланировала, точно всесильное божество.

Губы тронула улыбка, но Дороти торопливо убрала ее, чтобы ее никто не заметил. Шевелить губами было опасно: усы снова могли отклеиться и испортить их маскарад, а этого никак нельзя было допускать, особенно теперь, когда до цели оставалось всего ничего.

В материалах, которые она изучила, не было ни имени второго охранника, ни каких-либо еще сведений о нем, и потому она не знала, чего от него ждать. Дороти настороженно повернулась...

...и с облегчением выдохнула, увидев долговязого, прыщавого юношу (судя по всему, не сильно старше их с Романом). Едва ли его стоило всерьез опасаться.

Юноша озадаченно посмотрел на Робертса.

– Аарон...

– Какое-то недоразумение вышло... – пробормотал Робертс, а потом, нахмурившись, добавил: – Погодите, но вы же меня не обыскали! Разве не полагается сперва...

– Сэр, попрошу вас подойти сюда и встать рядом с вашим коллегой, – сказал Роман, перебив Робертса. – Мы должны перво-наперво установить вашу личность.

Второй охранник изумленно уставился на Дороти.

– Сэр! – позвал его Роман, подходя ближе.

– У него усы отваливаются! – воскликнул охранник, указав на спутницу Романа.

Черт!

Роман застыл на месте, а Дороти испуганно поднесла руки к лицу. И действительно – усы, будь они неладны, вновь оторвались. Она хотела было вновь приклеить их к коже, но было уже слишком поздно. Второй охранник, отскочив в сторону, уже устремил взгляд на стойку, под которой скрывалась «тревожная кнопка».

Она поймала на себе вопросительный взгляд Романа и моментально прочла его мысли – с той же отчетливостью, как если бы он озвучил их: *«Все пошло не по плану!»*

А ведь история должна была сыграть им на руку! Дороти столько готовилась к этой вылазке... Бесчисленное множество раз засыпала, опустив голову вовсе не на подушку, а на толстую книгу, от страниц которой исходил запах старины. Просиживала за чтением материалов и у компьютера, пока буквы не начинали плыть перед глазами, а затылок не сдавливала тупая боль. Их никак не могли поймать. Это было попросту *невозможно!*

Дороти сделала несколько осторожных шагов в сторону кнопки. Охранник смерил ее оценивающим взглядом и сдвинул брови. Он был куда сильнее и выше ее и явно рассчитывал на то, что сможет ее оттолкнуть.

«Пусть только попробует», – подумала она.

За год, проведенный в составе Черного Цирка, Дороти многому научилась – но, пожалуй, самым главным из ее новых навыков стало умение бить точно в пищевод. Точнее, в расположенную над ключицами болевую точку, даже слабое нажатие на которую заставляло рослых мужчин вдвое крупнее Дороти вопить от боли.

Охранник оказался не таким великаном и все же кинулся на нее, но она спокойно прижала два пальца к заветной точке чуть ниже шеи и надавила.

Противник отскочил, шумно дыша, и схватился за горло.

– Что за...

Воспользовавшись его замешательством, Дороти развернула его и заломила руки ему за спину. Он побагровел, выпучил глаза и начал изворачиваться, стараясь разглядеть ее лицо.

Наконец ему это удалось. Он обвел ее внимательным – предельно внимательным! – взглядом, задержав его на шраме. И на белых волосах.

– Господи боже... – ахнув, прошептал он. – Так ты не...

Не успел он договорить, как она дернула его руку вверх, и он скривился от боли.

– Осторожнее! – предупредил другой охранник, но его коллега не успел ничего предпринять: на его запястьях тоже сомкнулись наручники. – Так ты, выходит, вовсе не полицейский?

– Совершенно верно, – подтвердила Дороти и толкнула охранника к стене, туда, где уже стоял его коллега. Теперь, когда оба были закованы, они не представляли для Дороти с Романом никакой угрозы. – Это ограбление. И оно станет одним из величайших в истории.

Дороти с Романом увели охранников в подвал, приковали к батарее и замотали им скотчем руки, ноги и рты. А потом пошли наверх – в Голландский зал.

Она изучила эту комнату по снимкам: не один час разглядывала их, гадая, не поскользнется ли она на полу, выложенном плиткой, в своих громоздких, не по размеру, ботинках, не просочатся ли их голоса сквозь арочные окна, не будет ли их слышно во внутреннем дворе внизу; смогут ли они хоть что-нибудь разглядеть в почти кромешном мраке?

Свет карманного фонарика скользнул по стенам, затянутым зеленой парчой, и блеснул на золотистых рамах, окаймлявших самые известные из шедевров мировой живописи. К стенам были придвинуты стулья и тяжелая деревянная мебель, точно кто-то специально расчистил центр комнаты для танцев. Стоило этой мысли пронестись у Дороти в голове, и она невольно усмехнулась. На дворе стоял 1990 год. Танцы, пришедшие ей на память, утратили популярность лет эдак сто назад, а о плясках, занявших их место, говорить и вовсе не хотелось...

Они больше походили на конвульсии, чем на танцы, – во всяком случае, по ее мнению.

– У нас немногим больше часа, – сообщила она, когда Роман решительно направился к картине Вермеера в раме.

– Ну что ж, руководи процессом, – сказал Роман, выхватив из кармана канцелярский нож, и начал вырезать полотно из рамы.

Дороти припомнила, что эту картину Изабелла Стюарт Гарднер купила в 1892 году за 29 000 франков. Об этом она прочла, пока готовилась к налету. Теперь шедевр наверняка стоил миллионы.

Она склонила голову, разглядывая картину. Та оказалась значительно меньше, чем она ожидала. И почему в реальности все куда скромнее, чем в воображении?

А потом Дороти с Романом сняли со стен картины Вермеера, Рембрандта, Дега и Мане, а еще прихватили гу – древнюю китайскую чашу для вина – и бронзового орла, украшавшего большой флаг Наполеоновской эпохи, заключенный в раму и висящий на стене (его закрепили до того надежно, что снять его так и не удалось, несмотря на все усилия).

Наконец Роман бросил взгляд на часы.

– Прошло ровно семьдесят девять минут.

– Отлично, – проговорила Дороти, пряча последнюю картину в спортивную сумку. – Тогда пошли.

Роман нахмурился.

– А как же охрана?

– Ее выпустит полиция. Она приедет всего через шесть часов, подумаешь.

– Страшный ты человек, – заметил Роман, не сдержав при этом одобрительной усмешки.

– Пойдем, – скомандовала она, с трудом повесив сумку на плечо, и направилась к выходу.

«Черная ворона» поджидала их в ближайшем парке – блестящая, напоминающая формой пулю, она таилась под сенью ветвей, сокрытая от посторонних глаз ночным мраком и высокой травой. Роман спрятал украденные ценности в грузовой отсек, а Дороти забралась в кабину пилота и начала предполетную подготовку. Последний год Роман активно учил ее управлять машиной времени. И пускай получалось это у нее пока хуже, чем у ее учителя, она прогрессировала.

– Поднять закрылки, – прошептала она, нажимая нужные кнопки на приборной панели. Еще нужно было открыть дроссель и переключить карбюратор в нужный режим. Она бросила взгляд на датчик ЭВ и с удивлением обнаружила, что стрелка по-прежнему указывает на максимум. Вот уже несколько недель подряд они с Романом чуть ли не каждый день путешествовали во времени, а запасы даже не начали истощаться. И это было странно.

Дороти откинулась на спинку кресла, не сводя взгляда с датчика. Эту машину соорудил сам Роман, выкрыв чертежи у Профессора Захариаса Уолкера, первого путешественника во времени. Но любой машине времени суждено разлететься на мелкие кусочки, если она попадет в анил без экзотического вещества – или просто ЭВ. Оно нужно, чтобы умирять беспощадный ветер, бушующий в туннеле. И Дороти это вещество достала.

В голове пронеслось воспоминание о том странном дне, а Дороти ощутила прилив гордости.

«Меня зовут Квинн Фокс... У меня есть то, что тебе нужно».

Эти самые слова ровно год и две недели назад определили ее судьбу. Еще незадолго до этого она была пассажиркой совсем другой машины времени и умоляла пилота с золотистыми глазами разрешить ей остаться в Новом Сиэтле, вместе с ним, а не возвращать ее к прежней жизни, в 1913-й.

А потом шторм унес ее от машины времени, и она провалилась сквозь завесу времени и тумана. В себя Дороти пришла на деревянной пристани, у ног Романа, примерно за год до встречи со златоглазым пилотом по имени Эш и больше чем через сто лет после того, как ее матушка и все, кого она знала, умерли.

Она по-прежнему явственно ощущала холод, исходивший от пристани, на которой она очнулась, и страх, сковавший ее сердце, стоило ей осознать, до чего же она одинока. У нее оставалось только два варианта.

Можно было предложить Роману единственную ценность, которой она обладала, – экзотическое вещество, с помощью которого он смог бы путешествовать во времени. Вот только, чтобы действовать с ним сообща, надо было примкнуть к Черному Цирку – знаменитой и беспощадной сиэтлской банде.

А можно было попытаться выжить в Новом Сиэтле одной, вопреки всем опасностям и невзгодам.

Дороти пробыла в будущем не так долго, но успела понять, что девушку, оказавшуюся в незнакомом месте без союзников, родственников или друзей, подстерегает множество опасностей. Поэтому, честно говоря, у нее изначально не было никакого выбора.

И все же порой ее одолевали мысли о пилоте с золотистыми глазами и о том, что было бы, если бы она рассказала ему, кто она и откуда...

...Достаточно было вспомнить тот день, когда они с Эшем впервые встретились. Произошло это в 1913 году неподалеку от церкви. Ей отчетливо вспоминалось отвращение, мелькнувшее в его взгляде, а в ушах будто звучал голос, которым Эш сообщал ей, что он никак не сможет ей помочь.

Его «нет», услышанное в тот день, не шло у Дороти из головы. После всего того, что произошло между ними, она не в силах была услышать его вновь.

И со временем научилась вычеркивать из памяти воспоминания о приятных минутах, проведенных с Эшем наедине.

Она свой выбор сделала. Пути назад больше нет.

2 Эш

5 НОЯБРЯ 2077 ГОДА, НОВЫЙ СИЭТЛ

На Новый Сие́тл опускались сумерки. Небо стало блекло-зеленым – как гороховый суп, которым кормили солдат, когда Эш служил на фронте. Казалось, он чувствует неподъемную тяжесть небес, будто суливших что-то недоброе.

Нахмурившись, он задумался, и в мыслях пронеслось: *«Семь дней»*.

Когда-то профессор Уолкер сказал ему, что человек способен превспоминать события, которым еще только суждено произойти в будущем самое большее через год. Этот самый «год» не давал ему покоя вот уже не первую неделю. Потому что впервые превспоминание о грядущей смерти явилось к нему ровно 358 дней назад.

А это означало только одно: ему осталось жить всего неделю – и это в лучшем случае. Скорее всего, и того меньше.

Помогите найти Дороти – и я уйду.

Чандра беспокойно переминалась с ноги на ногу, пока охранники обыскивали Эша. Пожалуй, грозное небо не производило бы столь мрачного впечатления, если бы они не стояли на причале у канала под названием Аврора, самого злчного местечка во всем Новом Сие́тле. В городе всегда процветала секс-индустрия, но после землетрясения она окончательно вышла из тени, можно даже сказать – узаконилась. И теперь мотели вдоль бывшего Аврорского шоссе с гордостью рекламировали свой «товар».

Дождь лил точно из ведра. Волосы Чандры прилипли к шее, а по смуглой коже бежали струйки воды. Она не сводила напряженного взгляда с охранников, плотно сжав губы, чтобы унять дрожь. Охранники больше походили на две гранитные горы, чем на людей. Лица у них были суровые, точно высеченные из камня, а в призрачном зеленоватом свете их глаза казались почти черными. За плечами у них висели автоматы, поблескивая от влаги.

Сучковатые пальцы бесцеремонно ощупали карманы и подкладку куртки Эша, проверяя, нет ли при нем оружия.

Эш скользнул взглядом по автоматам и посмотрел на сумрачное небо.

Матушка назвала бы его «торнадным».

Ему вспомнилось, как она однажды вышла на крыльцо с пачкой отцовских «Кэмел», достала себе сигарету, закурила, сжав фильтр в зубах и сложив ладони чашечкой, а потом, сощурившись, задумчиво посмотрела на небо.

– Скоро разразится буря, – подметила она, загасив спичку.

Но в дом не вернулась. Истинные небраскинцы прятались от торнадо лишь тогда, когда горизонт застилал черный вихрь высотой до самого неба, дождь начинал молотить искоса, а ветер усиливался до такой степени, что буквально сбивал с ног.

Он вновь увидел эту картину – отчетливо и живо, точно в реальности. Увидел, как матушка смотрит в сумрачное небо. А ведь она стояла тогда на крыльце, ожидая разгара бури, вовсе не чтобы продемонстрировать свою смелость. А из чистейшего, животного упрямства. В глубине души она верила, что сможет отпугнуть стихию, помешать ей забрать то, что принадлежало ей по праву. И это упрямство передалось и ему – к добру ли, к худу?

«Но тебе-то Дороти не принадлежала никогда, – заметил внутренний голос. – И теперь ты даже не знаешь, жива ли она».

Эш тряхнул головой, отгоняя этот голос, точно назойливую муху. Охранник с подозрением покосился на него. Эш стиснул зубы, не сводя глаз с горизонта. Бугай, неодобрительно хмыкнув, продолжил обыск.

И все же голос был прав. Дороти и впрямь «никогда ему не принадлежала». Мало того, он *потерял ее* во время полета. И ведь именно он, Эш, разрешил ей полететь вместе с ним в 1980 год, на поиски профессора Захариаса Уолкера, его пожилого наставника. Он понимал, как опасно путешествовать по анилу при таких скромных запасах экзотического вещества – и все же пошел на это. А когда ЭВ на «Второй звезде» совсем закончилось, Дороти рискнула собственной жизнью, чтобы восполнить запасы прямо в полете и спасти экипаж.

Но потом произошла авария. И Дороти упала в анил.

«Я не верю, что Дороти погибла. Ведь у нее было с собой ЭВ! Может, нас теперь разделяет всего несколько месяцев!» – сказала ему Зора через пару дней после случившегося.

Справедливости ради надежда на это была вовсе не беспочвенной. Пускай в аниле и впрямь дули беспощадные ветра скоростью свыше сотни узлов и постоянно вспыхивали молнии, экзотическое вещество, которое прихватила с собой Дороти, могло создать вокруг нее эдакий защитный пузырь, которому не была страшна непогода. Эш ни разу не слышал о том, чтобы люди выживали в аниле за бортом машины времени, но очень хотел верить, что это возможно. Мысль об обратном была совершенно невыносимой.

Экипаж потерял связь с Дороти за считанные мгновения до того, как вернуться в 2077-й. Если она выжила, то вполне могла теперь быть где-то в этом злосчастном городе. Надо только найти ее, пока этого не сделал кто-нибудь еще.

– С этим порядок, – удовлетворенно объявил охранник, опустив руки.

Его напарник хмыкнул и посмотрел на Чандру.

– А с ней что делать?

Чандра невольно поежилась под его хищным взглядом, скользнувшим по ее наряду. Она нарочно надела футболку поуже, чтобы та подчеркивала фигуру. На этом строился весь их план, но щеки Эша по-прежнему заливала краска, стоило ему хотя бы вскользь заметить обнаженную кожу подруги. Весь день он старался не опускать взгляда ниже ее шеи.

– Ты же помнишь, Мак строго-настрого запретил нам трогать товар! – заметил первый охранник и кивнул, поигрывая тяжелой квадратной челюстью. – Пусть проходят.

Товар. До этого мгновения Эш и не осознавал, сколько же мускулов у него в лице и какого труда стоит сделать так, чтобы ни один из них не дрогнул, вопреки мерзким ощущениям, которые он испытал от слов охранника.

Товар.

Не «девушка». И даже не «человек».

Пожалуй, он никогда и никого в своей жизни не ненавидел так сильно, как Мака в ту секунду. Лично он этого человека не знал, но много о нем слышал. Увы. В Новом Сिएтле все наслышаны о Маке Мерфи, владельце самого грязного из городских борделей. Человеком он был прегадким – да и внешне напоминал какую-то склизкую, мерзкую гадину, которую так и хотелось раздавить. От скольких бед был бы избавлен этот мир, если бы Мак и впрямь растекся под подошвой Эша зеленоватой лужицей.

На краткий миг на причале повисла тишина, а потом второй охранник отошел в сторону, облизнув губы.

– Ну что ж, золотце, проходи, – сказал он, не сводя глаз с Чандры.

– Давай-давай! – шепнул ей Эш.

Она несмело шагнула вперед, робко вскинув плечи.

– Боже мой... – едва слышно прошептала она, наконец выправив шаг и попытавшись – впрочем, тщетно – натянуть футболку пониже, точно ее можно было удлинить на несколько сантиметров одним лишь усилием воли.

Проходя мимо суровых громил с автоматами, Эш опустил голову. Он старался двигаться плавно, не поднимать плечей – словом, держаться как ни в чем не бывало. Точно все это было для него обычным делом.

Зеленоватое небо осветила молния. Вдалеке прогремел гром.

«Вовсе это не дурной знак, – сказал он себе. – Не сбавляй шага».

Бордель Мака притаился в дальнем конце пристани, точно хищник, ждущий момента, чтобы атаковать жертву. Раньше здесь был мотель с мигающей табличкой «Свободные комнаты» и номерами, которые можно было снять с почасовой оплатой. Это местечко утратило лоск задолго до того, как потоп обезобразил весь город, а теперь превратилось в сущий ад. Над водой остались только два верхних этажа, а желтую облицовку покрыл густой слой черной плесени. В окнах не было стекол, некоторые Мак заткнул кусками картона и старыми одеялами, чтобы сохранить последние крохи тепла, оставшегося в здании. Остальные остались зиять черными дырами, придавая фасаду сходство с челюстью, в которой не хватало нескольких зубов.

Мак сидел в комнате неподалеку от входа в побитом молю кресле, закинув ноги на самодельный столик, сооруженный из покрытой плесенью деревяшки и двух небольших бетонных блоков. Распахнутую дверь подпирали кирпич. Из рта у Мака торчала сигарета. Это был невысокий мужчина с торсом-бочкой и лицом с жабыми чертами. Глаза были широко расставлены, губы – пересохли и потрескались. И казалось, изо рта вот-вот вырвется юркий язычок, чтобы схватить пролетающую мимо муху.

Мак прикусил мясистую губу, и сигарета дрогнула.

– Ты по делу пришел, сынок? – спросил он у Эша, скользнув взглядом по футболке Чандры.

– Слышал, вы платите за девушек, – ответил Эш, изо всех сил стараясь говорить ровно и невозмутимо, хотя внутри него тут же вскипела ярость.

Чандра опустила глаза в пол, встревоженно приподняв плечи. Дышала она судорожно и жалобно, и Эш невольно почувствовал прилив гордости. Он прекрасно знал, до чего ей страшно, но в этот миг она безупречно проигрывала свою роль. Чем-то она ему очень напоминала героиню из сериала о Диком Западе, который Чандра смотрела на прошлой неделе. Вот почему он попросил помощи именно у нее. Из Зоры актриса была никакая.

Мак откинулся на спинку кресла и скользнул по девушке оценивающим взглядом.

– Да тут и посмотреть-то особо не на что, – произнес он наконец.

Эшу пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы в ту же секунду не выбить сигарету из зубов хозяина борделя.

Он заметил, как по лицу Чандры пробежала тень неподдельной обиды, и толкнул ее локтем. Она тут же опомнилась и сделала вид, будто вот-вот расплачется: зажала ладонью рот, взглянула на Мака полными слез глазами.

Мак покачнулся, и кресло, прежде стоявшее лишь на двух ножках, опустилось на все четыре.

– Впрочем, вкусы – это дело такое. Некоторым моим клиентам по нраву такие вот «странные». Могу за нее предложить... – он ненадолго замолк и принялся ковыряться в зубах ногтем большого пальца. А когда закончил, то, пожав плечами, уточнил: – Полтинник. По рукам?

Эш натужно сглотнул, толком и не расслышав цену. Он собирался с силами, чтобы произнести то, ради чего сюда и пришел.

– А обмен вы рассматриваете? – спросил он, и все у него внутри будто оборвалось. Как-никак люди – не товар, и никто не вправе ими торговать и обмениваться. А он пришел именно за этим.

Мак подозрительно сощурился. Эш почувствовал, как тут же напряглись мышцы у него в плечах. Неужели хозяин борделя узнал его? До «мегаземлетрясения» его лицо то и дело мелькало в новостях. Впрочем, он сильно изменился с тех пор: волосы заметно отросли, а на щеках появилась щетина: после исчезновения Дороти он ни разу не брился.

И все же в городе могли еще найтись люди, помнящие лицо молодого пилота, привезенного из прошлого безумным профессором. Хотя Эш был уверен, что Мак не из их числа. Он мало походил на человека, регулярно смотрящего новости.

Мак пристально на него посмотрел.

– Ты ведь не из завсегдатаев моего борделя, а? – спросил он.

Казалось, он силится вспомнить, где же видел Эша.

– Нет, сэр, – с растущим напряжением ответил Эш. – Но я временами захоживаю в «Ржавый гвоздь».

Так назывался бар в самом конце Аврорского шоссе – излюбленное место отдыха Мака. Тот кивнул – это объяснение его, по всей видимости, вполне удовлетворило.

Эш облегченно выдохнул.

– Слышал, у вас недавно новая девочка появилась. Брюнетка. Говорят, красотка, каких поискать, – сказал он. А следом в голове пронеслось: «А еще я слышал, что недавно она укусила парня, пожелавшего к ней прикоснуться». Но об этом он решил не упоминать.

Именно эта история с укусом и привлекла его внимание. Несколько дней назад, когда Эш сидел в одном дешевом и грязном баре на отшибе города, его сосед по столику засучил рукав и продемонстрировал два полукруглых вспухших следа, красневших у него на локтевом сгибе.

– Это от зубов, – пояснил он, поймав вопросительный взгляд Эша. – Новая шлюшка Мерфи – суцкая дьяволица, право слово.

«Дороти!» – мелькнуло у него в мыслях. Он легко мог представить, как она вонзает зубы в любого, кто осмелится тронуть ее без разрешения.

«Пострадавший» рассказал Эшу, что эта «шлюшка» появилась с месяц назад в одном из самых злачных районов города – потерянная, одинокая, но чертовски хорошенькая. Своего настоящего имени она никому не называла, но Мак окрестил ее Хоуп, что значит «надежда». «С ума сойти, до чего иронично, – со смешком подметил собеседник Эша. – Какие вообще можно питать надежды в ее положении?»

Эш щедро угощал собеседника выпивкой и соленым арахисом, выведывая подробности.

А потом выволок его на улицу, за бар, и от души поколотил.

Чтобы неповадно было.

Мак осклабился в кривой усмешке, обнажив гниющие зубы.

– О да, есть у нас такая. Вот только стоит она куда больше полтинника, – проговорил он и, задумчиво помолчав, добавил: – Ладно, я готов уступить ее за сотню – но исключительно из щедрости к новому клиенту, ты это учти.

Эш это предвидел. Он нырнул рукой под куртку и замер на мгновение, нащупав тонкий конверт.

В конверте лежали все его сбережения – порядка семидесяти пяти долларов. Пять грязных, захватанных бумажек. Ничтожных и невесомых.

Как такое может быть, что эти вот бумажки можно обменять на человека?

В памяти живо вспыхнул образ Дороти. Он увидел ее лицо за несколько секунд до того, как она выбралась из машины времени и исчезла в грозовых облаках. Увидел перепачканную копотью кожу. Растрепанные кудри.

В мгновение ока отвращение, охватившее было Эша, сменилось надеждой.

«Пусть это окажется она, – взмолился он, обращаясь к небесам. – Пускай обойдется без новых трудностей».

Он положил конверт на самодельный столик и убрал руку. Пальцы зудели от волнения.

Мак схватил конверт и жадно пересчитал купюры.

– Ну ладно, пока что и на этом сочтемся, – сказал он, запихнув деньги в задний карман брюк и кивнул Чандре. – Ну что, куколка, пошли со мной.

– Она останется здесь, – отчеканил Эш.

Мак посмотрел на него, недоуменно вскинув брови. Впервые с тех пор, как Эш заглянул к нему в комнату, в его взгляде мелькнули нешуточные подозрения.

– Что-то не припомню, чтобы давал тебе право командовать в моем борделе, – вкрадчиво заметил он.

«Главное – не торопить события», – подумал Эш. По спине побежали мурашки. Сейчас он имел дело не просто с уязвленным самолюбием, как тогда, в баре, когда он избил своего собеседника. Ненависть Мака была куда пламеннее.

Он был весь точно пропитанная бензином тряпка: стоит поднести спичку – и огонь полыхнет с неистовой силой.

Тщательно взвесив каждое слово, Эш наконец произнес:

– Сперва покажите девушку – а потом я доплачу.

Мак с деланой невозмутимостью пожал плечами. Но во взгляде его сквозило недоверие.

– Да пожалуйста.

Насвистывая себе под нос, он вышел из комнаты.

И только когда этот мерзкий, похожий на жабу господин скрылся за углом, Чандра осмелилась поднять голову. Она гневно откинула волосы с глаз и спросила:

– Когда уже можно будет его пристрелить?

Эш задумчиво посмотрел на нее. Пистолет у нее был припрятан под штаниной, на лодыжке, где его придерживала резинка носка. Это было, пожалуй, единственное место, где его точно не стали бы искать. Как-никак охранникам запрещали досматривать новых девушек, пока этого не сделает Мак собственной персоной. И Эш воспользовался этой лазейкой.

– Дождись, пока он приведет Дороти, – сказал Эш. – А там уже можешь отстреливать ему яйца.

Чандра сощурилась – видимо, во всех подробностях представив себе эту сцену. А потом широко улыбнулась.

– Так и сделаю!

Через пятнадцать минут Эш услышал шаги. Кто-то приближался к комнате. По затылку скользнул холодок. Он поспешил встать между Чандрой и дверью.

– Надо же, в тебе вдруг проснулся защитник, – тихо проворчала Чандра.

Эш сглотнул ком, вставший в горле.

– Тише!

– Поздновато героем прикидываться – лучше б ты это сделал, когда он на меня пялился, – обиженно продолжила она.

Эш метнул в нее гневный взгляд, и Чандра торопливо сделала вид, будто закрывает рот на невидимый замок.

Мимо окна прошел Мак. Шторы были плотно задвинуты, но Эш все равно узнал очертания его мясистой головы. Следом за ним мелькнула еще одна тень – миниатюрная, явно женская – и робко поникшая.

Эш стоял, затаив дыхание.

Мак вошел в комнату.

– Ну что, полюбуешься! Вот самая красивая шлюха Нового Сиэтла! – объявил он, криво улыбнувшись. Улыбка эта куда больше напоминала хищный оскал.

На пороге появилась девушка. Она смотрела себе под ноги, а лицо ее скрывала волна темных волос.

– Ну? – нетерпеливо спросил Мак, смерив Эша взглядом. – Что скажешь?

Заслышав его голос, девушка подняла голову и откинула волосы с лица, обнажив бледную, фарфоровую кожу, нежные губки бантиком и глаза – большие, точно у куклы. На вид

ей было лет четырнадцать, не больше. Эша мгновенно охватило отчаяние. Это была вовсе не Дороти.

Под левым глазом у нее темнел яркий синяк. Эш подумал, уж не наказание ли это за то, что она укусила последнего клиента, еще совсем недавно стоявшего ровно на том же месте, где теперь стоит он сам.

Мак еще что-то говорил, но кровь в ушах Эша пульсировала так громко, что он не различал слов.

– Чандра, – позвал он, тщетно пытаясь сохранить невозмутимость, но голос предательски дрогнул. – Пора.

Чандра резко согнулась пополам, зайдясь в деланом приступе кашля. Эш не ожидал от нее такой прыти, все произошло до того стремительно, как будто бы она дома тщательно отрепетировала каждое движение. Мак только и успел неодобрительно на нее покоситься и проворчать, что ему тут хворые малолетки ни к чему, как она уже скользнула рукой в свой тайник и выхватила пистолет.

Вскинув руку с оружием и прикрыв один глаз, Чандра прицелилась в хозяина борделя.

– Вот те на! – Мак вскинул руки и отступил назад. – Это еще что такое? Мы же вроде обо всем договорились!

– Что ты на него смотришь, жабеныш? – спросила Чандра. – Ствол-то у меня!

Эш пожал плечами.

– Со мной вы договорились, а с ней – нет, – сказал он. – Пора это исправить.

Мак скривился, точно одна мысль о переговорах с девушкой вызывала у него отвращение.

– И ты доверяешь девчонке свои дела?

– При любой возможности, – ответил Эш. – Значит, так...

– Погоди-ка... А я ведь тебя знаю, – заметил Мак и перевел подозрительный взгляд на Чандру. – И тебя. Вы из той команды путешественников во времени, да? Из Агентства защиты хроно чего-то там?

Он имел в виду Агентство защиты хронологии, команду путешественников во времени, созданную два года назад великим и, увы, не столь давно почившим профессором Захариасом Уолкером, который набрал себе помощников из самых разных эпох.

Мак усмехнулся и медленно покачал головой.

– Между прочим, мои люди уже месяц ищут тебя и твоих приятелей. Неплохо вы спрятались.

– А как же, – холодно ответил Эш. – Мы, знаете ли, порядком устали от гостей, которые постоянно приходят и просят отвезти их в прошлое, чтобы полюбоваться на динозавров.

– Ну надо же, – Мак прикусил потрескавшуюся губу и усмехнулся. – Значит, заказы вы не берете? Скажем, от местных бизнесменов. И с неплохой оплатой.

Местных бизнесменов... От этих слов у Эша внутри все сжалось.

– Если вы хотите узнать, не свозим ли мы вас в прошлое, ответ – нет, – сказал он.

– Я готов предложить за это кругленькую сумму.

– Нет, спасибо.

Взгляд Мака скользнул к самодельному столику у окна. Эш проследил за ним и заметил маленький черный «Глок».

– Одно движение – и я выстрелю, – угрожающе процедила Чандра, положив палец на курок. – Где ты держишь девушек? Отвечай!

Но Мак все равно кинулся к столу.

– Если думаешь, что я...

Чандра выстрелила. Пуля прошла воздух и вонзилась ему в ляжку. Хозяин борделя застонал от боли и рухнул на колени. Кровь заструилась на пол.

– Ой, я вообще-то целилась чуть выше, – призналась Чандра. – Надо еще разок попробовать.

– Стрелок из нее, прямо скажем, неважный, – сказал Эш.

Мак зажал себе рот кулаком, прикусив кожу, чтобы сдержать стон. По щеке у него скатилась слеза. Второй рукой он зажимал рану. Кровь хлестала сквозь пальцы.

– Они... наверху... – скривившись от боли, ответил он. – Комната 3С.

Эш посмотрел на Чандру, опасаясь, как бы она не выстрелила вновь, но та спрятала пистолет в задний карман джинсов, наградив Мака недобрым взглядом, и проворно выскочила из комнаты. Темноволосая девушка, которую до этого привел хозяин борделя, нерешительно посмотрела ей вслед, а потом тоже вышла.

Эш кивнул Маку, истекавшему кровью на полу.

– С вами приятно иметь дело.

Эш вышел в коридор. Он еще долго слышал позади себя стоны хозяина борделя – пока не добрался до самой лестницы.

Снаружи комната 3С казалась затопленной. Вода вытекала в щель под дверью, а дверной косяк основательно прогнил. Эш взялся за ручку и надавил на дверь плечом, надеясь, что она упадет, но та не поддавалась.

– Черт, – пробормотал он, расслабляя мышцы. Занавеска, висящая на окошке, расположенном рядом, дернулась. Кто-то из девушек выглянул посмотреть, что происходит.

– Давайте лучше я, – сказала темноволосая девушка. Голос у нее оказался неожиданно низким – Эшу даже подумалось, что она, возможно, старше, чем ему сперва показалось.

Она скользнула мимо него и негромко постучалась.

– Мира, открой. Это я, – сказала она.

Послышалась какая-то возня, а потом дверь приотворилась. В коридор высунулась рыжеволосая веснушчатая девушка и с тревогой посмотрела на Эша и Чандру.

– Кто это такие, Хоуп? – высоким пронзительным голосом спросила она.

– Не знаю, – призналась Хоуп, а потом, усмехнувшись, добавила: – Но они подстрелили Мака.

– Серьезно? – переспросила Мира, раскрыв дверь пошире. За ней Эш разглядел небольшую темную комнатку с низким потолком, освещенную слабым светом свечей, расставленных по углам. Пол был устелен матрасами, на которых лежали девушки, одетые в свитера и не по размеру широкие фланелевые рубашки и играли в карты. Одна из обитательниц комнаты сидела напротив растрескавшегося зеркала и завивала волосы.

Мира смерила Эша задумчивым взглядом.

– Так ты, что ли, наш новый босс?

– Босс?! – залившись краской, переспросил он. – Ни в коем случае!

– Ты ведь Мака подстрелил.

– Вообще-то его подстрелила я, – вклинилась в разговор Чандра. – Выходит, я теперь хозяйка борделя?

– Никто из нас на эту должность не претендует, – перебил ее Эш.

Но Миру его слова явно не убедили.

– Стало быть, ты в Мака пальнул по доброте душевной, только и всего? – спросила она, скользнув по Эшу оценивающим взглядом. – Просто так в этой жизни ничего не бывает.

– Мы ищем одного человека. Девушку. Невысокую, с длинными темными волосами, – сообщил им Эш и кивнул на Хоуп. – Похожую на нее.

– Тут других таких нет, дружочек, – усмехнувшись, ответила Мира и хотела было захлопнуть дверь...

– Погоди, – Эш проворно сунул ногу в дверной проем, чтобы ей помешать. Сердце встревоженно заколотилось где-то в самом горле. Не может быть, чтобы все вот так закончилось! – *Пожалуйста...*

Взгляд Миры смягчился.

– Соболезную твоей утрате. Мы все знаем, каково это.

Эш выдохнул – нервно и судорожно. Разочарование приносило почти физическую боль, казалось, его душу кто-то безжалостно полосовал острым ножом.

Он верил, что найдет ее здесь!

Ему вспомнилось, как у него вспыхнул лучик надежды, стоило ему услышать рассказ парня из бара. Со дня исчезновения Дороти минуло уже почти три недели. Девятнадцать ночей, десятки часов непроглядного мрака. И каждую ночь он лежал и смотрел в потолок, придумывая все новые и новые способы спасти Дороти, увы, не пришедшие ему в голову в роковой день.

Надежда на то, что он вызволит ее из борделя, стала для него утешением, притупила боль. Вместо того чтобы предаваться тягостным мыслям, он начал продумывать план спасения. Но ворваться в бордель с оружием оказалось куда проще, чем посмотреть правде в глаза.

А правда была в том, что Дороти пропала. Потерялась во времени.

И он, Эш, совершенно не знает, где ее искать.

Он убрал ногу из дверного проема.

– Мак внизу. У него сильное кровотечение. Если кто-нибудь из вас хочет его спасти, стоит поторопиться.

Ни одна из девушек не шелохнулась. Они переглянулись – и посмотрели на Эша.

Мира склонила голову набок.

– Куда же нам теперь идти? – спросила она.

Эш не нашелся с ответом. Мира поманила Хоуп в комнату, а когда та скользнула в номер, громко захлопнула за ней дверь.

3

Дороти

5 НОЯБРЯ 2077 ГОДА, НОВЫЙ СИЭТЛ

Три недели назад Дороти похитила саму себя.

Точнее, свое прошлое «я».

Время есть круг. Об этом она узнала год назад и с тех пор не единожды – вот как сегодня – убеждалась в правдивости этих слов. Когда она вернулась в 1990-й, чтобы украсть картины из музея Изабеллы Стюарт Гарднер, она твердо знала, что ее затея увенчается успехом, потому что в 2077-м факт ограбления был известен: это преступление попало на страницы истории как особо дерзкое. Стоило только подумать об этом, и голова шла кругом, но порой мы и впрямь узнаем о значении собственных деяний только в будущем, а иные – обретают плоть и кровь в чужом прошлом.

К примеру, когда Дороти только прилетела в Новый Сиэтл, ей рассказали о таинственной девушке по имени Квинн Фокс. И только когда Дороти попала в прошлое, она поняла, что Квинн – это *она*. Что она всегда была ею.

Но нужно было предпринимать и некоторые усилия для того, чтобы все случилось ровно так, как должно было. Роману пришлось подстроить все таким образом, чтобы Дороти добыла экзотическое вещество до падения с корабля Эша. А для этого им вдвоем нужно было похитить ее прошлое «я» и внушить ему мысль о возвращении в прошлое.

Это оказалось... непросто. Но Дороти основательно подготовилась и виртуозно расставила ловушки для своего прошлого «я», научила Романа, что и когда говорить, чем привлечь внимание жертвы, чем вызвать ее подозрения...

Но Дороти оказалась совсем не готова ко встрече с самой собой. Это событие потрясло ее. Она еще долго проигрывала в памяти тот эпизод, вспоминая все до мелочей: духоту гостиничного номера, запах сырости, плесени и едва уловимый аромат цветов, от которого у нее зачесалось в носу, – внезапное напоминание о матушке.

«Как там наша новая гостья?» – спросила она тогда Романа. Разумеется, этот разговор был заранее отрепетирован. Им с Романом нужно было, чтобы Дороти из прошлого решила, будто они хотят ее убить, украла журнал Профессора (который они предусмотрительно ей подложили), а потом выпрыгнула из окна, а после передала найденные записи своим друзьям. «Все ценности носи мне. А от тела избавься. До вечера комнату надо освободить».

Дороти хорошо помнила, как напугали ее в прошлом эти слова: «От тела избавься». Точно она была какой-то безделушкой, которую можно выбросить – и дело с концом. Она живо представляла, как убежит, как за спиной у нее раздастся выстрел, а потом тело онемеет и погрузится в густой, тяжелый мрак. Когда же она произнесла эти слова в отеле, руки у нее жарко запульсировали, а во рту появился горький привкус. Но минуты слабости миновали. С бессилием покончено.

Может, потому ей и захотелось с собой встретиться – чтобы доказать самой себе, что она изменилась. Услышав тихий шелест ткани позади, она инстинктивно обернулась и увидела собственное лицо.

Ее прежнее лицо, еще не изуродованное падением в анил и годом, проведенным в составе банды головорезов. Тогда у нее была чистая, нежная кожа и каштановые волосы. Увидев себя из прошлого, Дороти невольно подумала о том, что ее не случайно тогда ни во что не ставили и так и норовили обвести вокруг пальца. Ведь она куда больше походила на куклу, чем на живого человека, и казалась совсем юной. И невинной.

Стоило только подумать об этом, и это слово застряло у нее в голове, точно приставучая песня. «Невинной... невинной... невинной...» А такой ли уж невинной она была, если

рассудить? До того, как превратиться в Квинн Фокс, она промышляла воровством и аферами. Краля сердца и деньги, обманом убеждала мужчин, что сходит по ним с ума, а потом бесследно исчезала, оставляя после себя лишь глубокие раны в их душах. Саму себя она бы ни за что не назвала «невинной» и не поверила бы тем, кто стал бы ее переубеждать.

Ее чуть не подбросило от шокирующего осознания. Той девчонки из прошлого – невинной, преступной ли – не важно! – больше нет. Квинн Фокс убила ее.

* * *

Дороти распустила волосы, и белоснежные пряди рассыпались по плечам. Сбросив украденную полицейскую униформу, она переоблачилась в привычный черный плащ, натянула капюшон, затенявший лицо, и спустила рукава пониже, скрыв под ними ремешки, за которые были заткнуты кинжалы.

Пришло время «навести марафет». Дороти нащупала в кармане плаща небольшую склянку, достала ее, открыла и вылила на пальцы немного кроваво-красной жидкости, а после нанесла ее на губы, даже не потрудившись взглянуть в зеркало. Аккуратность в этом деле была ни к чему.

Разумеется, это была не настоящая кровь, а смесь кармина с маслом. В эпоху Дороти проститутки часто использовали ее в макияже. На вид ее было просто не отличить от крови, и именно поэтому Дороти остановила на ней выбор.

Роман, сидевший за штурвалом «Черной вороны», летящей над беспокойным океаном, обвел ее внимательным взглядом. До этого они сделали небольшую остановку неподалеку от анилы и поменялись местами: он сел за штурвал, а Дороти перебралась на пассажирское место, чтобы переодеться.

Вид у Романа был задумчивый, казалось, он чего-то недоговаривает.

– Что такое? – спросила Дороти и плотно сжала губы, чтобы краска впиталась. В оконном стекле мелькнуло ее отражение – бледное, как сама смерть. – Я что, плохо выгляжу?

– Да нет, очаровательно, – быстро ответил Роман и осекся, раздумывая над собственными словами. – Прости, я хотел сказать, устрашающе. Часто путаю одно с другим.

Дороти улыбнулась. *Устрашающе*. В устах Романа это звучало как комплимент. Они оба приложили немало усилий, чтобы сделать ее такой. Пускай Дороти и довелось побывать в будущем и узнать, что будет через год, лица Квинн Фокс она ни разу не видела, так что они с Романом потратили несколько недель на то, чтобы придумать ей подходящую маскировку: черный плащ, выбеленную кожу, алые губы. Первым пунктом в их плане значился захват власти в Черном Цирке. Но чтобы решить эту головоломку, надо было ответить на непростой вопрос: *как запугать людей, которые наводили ужас на весь город?*

Ответ оказался проще простого. Надо самой принять жуткий облик.

Первые дни в Черном Цирке уже подернулись для Дороти туманом забвения. Она помнила, что пришла туда изувеченная, в крови и что на лице ее тогда ни единого живого места не было. Помнила, как ей вслед неслись подозрительные шепотки, когда Роман впервые провел ее по коридорам «Фейрмонта». Как он укутал ее плащом, сказав, что необходимо прикрыть увечья.

– Им лучше не знать, что ты ранена, – пояснил он, и Дороти невольно ужаснулась, уловив в его голосе испуганную дрожь и заметив, как потемнели от страха его глаза. – Слабаков они терпеть не могут.

Они... Речь шла о так называемых Фиглярах – самых жестоких членах Цирковой банды, прибравших к рукам весь город. Дороти хорошо помнила первую встречу с ними: как они плыли в моторной лодке по водам Нового Сизтла, разрезая беспокойные волны, а на спинах у них поблескивали боевые топоры и луки, и как они палили в небо и торжествующе улюлюкали.

Фигляры и впрямь наводили ужас, но Роман был куда страшнее и опаснее. Его прозвали Вороной, и в глазах местных головорезов он был кем-то вроде короля – очаровательного, расчетливого, бесстрашного.

Но Роман, что сидел сейчас перед Дороти, был совсем не похож на этого страшного злодея. Он был хорош собой, сдержан и в то же время юрок и пугающе худ, точно бродячий пес, готовый биться за последние крохи пищи. На его плаще еще не было белой вороны. А на подбородке печально щетинилась куцая борода, которую он пытался отрастить...

Взглянув на нее тогда, Дороти невольно поморщилась. Нет, с бородой точно придется распрощаться.

– Никакая я не слабачка, – отчеканила она, и ее уверенный голос разрезал тишину, будто острый нож. – Да и ты не слабак. Я видела наше будущее, и там мы вовсе не боимся Черного Цирка. Мы его возглавляем.

Взгляд Романа, прежде испуганный, заискрился и полыхнул ярким пламенем. Впервые в нем проступило что-то воронье.

– Но как такое возможно? – спросил он.

Широко улынувшись, Дороти изложила ему свой план.

Уже тогда надо было принять мысль, что превратиться в знаменитую Квинн Фокс будет куда сложнее, чем просто поменять имя. Что уважения циркачей будет нелегко добиться. Что ради этого придется пойти на многое. В том числе и на преступления.

– Какая же ты маленькая, – насмешливо подмечал Роман в те давние дни, когда она еще ходила по коридорам «Фейрмонта», втянув голову в плечи. – И хрупкая...

Хрупкая... Слыша это слово, она всякий раз содрогалась. Оно напоминало ей о том жутком дне, когда ее похитил из бара хмельной посетитель. Напоминало о собственной беспомощности – а ведь она дала самой себе клятву, что с беспомощностью отныне покончено!

И все же с Романом трудно было поспорить. Она и впрямь была куда миниатюрнее остальных циркачей. Фигляры смотрели на нее голодными глазами, точно на изысканное лакомство. Иногда, когда она проходила мимо, ей чудилось, что они шумно облизываются, глядя ей вслед.

И дело было не только в росте. Рана на лице затягивалась куда медленнее, чем она рассчитывала. Она пылала, болела, постоянно кровоточила. Дороти подолгу просиживала в ванной, меняя повязки и промывая изуродованную кожу, чтобы в кровь не попала инфекция. По совету Романа она принаровилась прятать обезображенное лицо под большим капюшоном, чтобы Фигляры не прознали, насколько серьезна ее рана – и насколько велика ее истинная *хрупкость*. Но капюшон вызвал у них волну новых подозрений и любопытства.

Черный Цирк состоял преимущественно из мужчин. И потому одна принадлежность Дороти к женскому полу привлекала уже чересчур много внимания. Фигляры часто перешептывались о том, как же она выглядит без плаща, и каждый раз, проходя по коридорам отеля, Дороти чувствовала на себе их сальные взгляды. Она понимала, что однажды любопытство возьмет над ними верх.

Так и случилось.

Однажды ночью, когда она тайком возвращалась в отель, из полумрака вынырнул какой-то парень – судя по-всему, новый член банды, потому что по лицу она его не узнала, – и схватил ее. На краткий головокружительный миг ей показалось, что он просто ошибся, что он обо-знулся – а может, и вовсе столкнулся с ней случайно, потому что очень спешил.

Но потом она услышала, как хихикают за углом его дружки, как они его подначивают, и ей тут же стало понятно, что это вовсе не недоразумение, а самая настоящая западня.

Что ее тут поджидали.

Парень действовал резко и грубо. Он прижал ее к стене, надавив предплечьем на ключицы так, чтобы она и шевельнуться не могла, а другой рукой бесцеремонно схватил ее за талию, больно царапнув кожу.

– Глядите, как брыкается! – сказал он, обдав ее кислотоватым дыханием и подобравшись слишком уж близко. – Я же вам говорил, что с этой можно знатно повеселиться!

Повеселиться? И это, стало быть, *весело*? Дороти даже вздохнуть не могла. Она четко понимала, что, если не дать отпор, этот кошмар повторится. Она ведь была в глазах циркачей хрупкой, слабой девочкой, с которой «можно знатно повеселиться». Отныне все в «Фейрмонте» будут видеть в ней легкую добычу и отыгрываться на ней при любом удобном случае. А она будет вечно прятаться от таких вот парней и отбиваться от их загребущих ручонки и вонючего дыхания.

Перспектива сомнительная. Поэтому Дороти сделала единственное, что вообще было возможно в ее положении.

Укусила обидчика. Прямо в лицо.

И оторвала приличный кусок кожи, оставив на щеке глубокий, уродливый след. Парень отпустил ее и с воем рухнул на колени, зажимая кровоточащую рану.

Не потрудившись даже стереть с губ чужую кровь, она смерила его взглядом и сказала:

– Терпеть не могу, когда меня трогают.

После чего парня прозвали Полумесяцем – в честь полукруглого шрама, так и оставшегося на щеке, а о Квинн Фокс пошли жуткие слухи.

Начало большинству из них дал Роман. Он заверил циркачей, что приближаться к Квинн не стоит, потому что она обожает вкус человеческого мяса. Особой жути ей придавал и стойкий запах крови, исходивший от ее незаживающей раны. А Полумесяц, разгуливавший по отелю с ярким следом от зубов Квинн на щеке, служил наглядным подтверждением тому, что с Квинн шутки плохи.

На этом Роман не остановился и продолжил разжигать сплетни, позаботившись о том, чтобы они вызвали все больше страха и отвращения. Он сообщил, что Квинн не умеет улыбаться, что до двенадцати лет ее держали в чулане, что росла она, не видя людских лиц, и это обстоятельство... сказалось на ней самым что ни на есть ужасным образом.

Он поведал, что Квинн может лишь подражать людским эмоциям, но сама их не испытывает, а капюшон носит, чтобы скрыть звериное выражение, которое всегда сохраняется на ее лице.

Она может выведать любые секреты, просто посмотрев человеку в глаза.

А еще – убить взрослого мужчину голыми руками.

Да что там – одним пальцем.

Одним *взглядом*.

Дороти стало досадно, что она раньше об этом не подумала. Ведь первым о Квинн Фокс она узнала, что та – каннибал.

«Там, куда я держу путь, существуют огромные подводные города, а еще преступные банды, которые похищают старушек, идущих на рынок. И девушка, питающаяся человеческим мясом».

Это сказал ей Эш в их первую встречу, на поляне неподалеку от церкви, где она должна была выйти замуж. Тогда ей показалось, что симпатичный пилот с золотистыми глазами, от которого пахнет дымом и далекими странами, вешает ей лапшу на уши. Она и помыслить не могла, что он говорит о ней.

Последние крупинки надежды на возвращение к Эшу и его друзьям иссякли, как только слухи о Квинн просочились в народ. Новая встреча с Эшем все-таки состоялась, но тогда было уже слишком поздно. Тогда Дороти уже успела превратиться в Квинн Фокс, страшного каннибала, возглавляющего Черный Цирк.

В человека, которого он ненавидел.

4

Эш

Когда Эш с Чандрой вышли на улицу и направились к моторной лодке, оставленной у мотеля, их встретило все то же небо – зловещее, зеленое, бескрайнее.

Эш упрямо подергал за рычаг зажигания – раз, второй, третий, – пока мотор наконец не ожил и не взревел.

А когда они устроились на борту и понеслись прочь от мотеля Мака по узкому Аврорскому каналу, лавируя меж приземистых зданий, небо, казалось, напряженно затаило дыхание.

«*И это тоже вовсе не дурной знак*», – вновь сказал себе Эш, усилием воли отведя взгляд от облаков.

Мимо пронеслось с полдюжины мотелей наподобие того, что принадлежал Маку. Это были мрачные, побитые временем и стихией домишки с заколоченными окнами и вооруженной охраной у входа. Эш представил себе лица людей, томящихся за этими окнами. Измученные, напуганные лица. А ведь большинство пленниц – несовершеннолетние. И работают вовсе не по своей воле.

Но как Эш ни приглядывался, он так и не смог никого разглядеть. Ему повсюду мерещилось лицо Дороти. Испуганное, смеющееся, заглядывающее ему в глаза, приблизившееся к нему для поцелуя...

Он резко помотал головой, досадуя на самого себя. До чего равнодушно он поступил! Шутка ли: оставить тех девушек в борделе Мака и уйти, а теперь так спокойно плыть мимо таких же борделей, даже не пытаясь никому помочь!

Порой ему казалось, что стеклянный сосуд его сочувствия уже переполнен тревогой за Дороти, за собственную судьбу, за друзей, и если он попытается вместить в него еще что-нибудь, стекло треснет и разлетится вдребезги.

Эти мысли ему не нравились, как и то, что стояло за ними. Но он отчетливо чувствовал, что по стенкам этого самого сосуда уже поползли трещинки. А потому закрыл глаза и затаил дыхание, пока вереница мотелей не осталась позади.

Они свернули в район, который когда-то носил имя Королевы Анны, а теперь назывался просто Западной Авророй. Вдалеке проступили очертания башни Спейс-Нидл² – ее массивная проржавевшая верхушка, напоминающая формой супницу, покоилась теперь на волнах, точно лодка...

А в следующий миг земля вдруг содрогнулась – и на башню набежала огромная волна стального цвета, тут же скрыв ее из виду.

Когда вода хлынула и в моторную лодку, у Эша внутри будто все оборвалось. Чандра схватила его за руку, впившись в нее ногтями с такой силой, что они проткнули куртку и вонзились в кожу.

«*О нет*, – пронеслось у него в голове. – *Этого еще не хватало*».

Земля резко перестала дрожать, но стального цвета волны дыбились все выше.

Чандра выпустила его руку.

– Третий раз за неделю, – испуганно прошептала она.

– Четвертый, – уточнил Эш. Накануне ночью был небольшой толчок – настолько слабый, что Эш его не заметил бы, если бы не бессонница.

Чандра покачала головой.

– Жуть какая.

² В букв. переводе с англ. – «Космическая игла». Символ Сизтла, одна из главных достопримечательностей на северо-западе тихоокеанского побережья США. – *Примеч. перев.*

Эш нервно сглотнул, но ничего не ответил. За последние годы местным жителям волей-неволей пришлось привыкнуть к подземным толчкам. Все началось в 2073 году, когда Западное побережье пострадало от сильного землетрясения, которое, прибавив в мощи, повторилось в 2075-м и вызвало цунами, затопившее весь Сиэтл. Мощь Каскадского землетрясения – или мегаземлетрясения, как его иногда называли, – составила 9,3 балла по шкале Рихтера, и оно стало самым сильным за всю историю страны. Эти две катастрофы razорили Западное побережье. Погибло порядка сорока тысяч человек.

После мегаземлетрясения периодически возникали подземные толчки, но последнее время они случались чуть ли не каждый день, что наводило на мысль: вот-вот произойдет новая катастрофа. Обычно они были слабыми, волны от них лишь били по стенам университетского здания, в котором жил Эш с друзьями, или бара «Данте», где они любили проводить время. Но на душе у него все равно было беспокойно.

* * *

Впереди, точно мираж посреди пустыни, показалась старая мастерская профессора Захариаса Уолкера. Это была странноватая с виду постройка, обитая старыми досками, шинами и жестянками и покрытая чудаковатой крышей из тех же подручных материалов. Приближаясь к мастерской, Эш в очередной раз подумал о том, как же здорово было бы, если бы за окнами, серебрившимися от дождевых капель, его и впрямь ждал профессор Уолкер.

Профессор первым научился путешествовать во времени. Он построил два корабля – «Вторую звезду» и «Темную звезду» – и отправился в прошлое, чтобы привезти в Новый Сиэтл 2075 года выходцев из разных эпох – Джонатана Эшера, Чандракалу Самхиту и Уиллиса Генри – и собрать из них команду, которую он в шутку прозвал Агентством защиты хронологии. Предполагалось, что его помощники будут вместе путешествовать по эпохам, разгадывая тайны прошлого.

А потом случилось мегаземлетрясение, разорившее город. И спустя несколько месяцев Профессор улетел на «Темной звезде», не сообщив никому ни год, в который он направился, ни даже цель своего путешествия. Несколько месяцев Эш безуспешно искал его, пока наконец к нему в руки не попал старый бортовой журнал Профессора, из которого стало понятно, куда тот направился – в 1980 год, на старую военную базу под названием Форт Хантер. Там он планировал основательно изучить причины землетрясений, разрушивших Сиэтл и унесших жизнь его супруги, Наташи.

Но планам не суждено было осуществиться. Профессор погиб вскоре после прибытия в Форт Хантер: его убили солдаты, подозревавшие, что он пытается выведать военные тайны. Эш с друзьями предприняли попытку пересечься с ним в прошлом, но ничего не получилось. Это путешествие нанесло непоправимый урон «Второй звезде» – их единственной машине времени – и чуть не стоило жизни Эшу и Зоре. Когда Эш прижимал ладонь к коже на животе – чуть ниже ребер, – под пальцами отчетливо прощупывался кусочек металла. Единственное, что осталось от его погибшего корабля.

Но это было еще не самое страшное. В Форт Хантере Эш наткнулся на заметки Профессора, которые явственно указывали на то, что в скором времени должны произойти еще два страшных землетрясения. Речь шла не о гибели одного города, а об уничтожении всего Западного побережья – если не целой страны.

В окнах мастерской мерцал свет – видимо, Зора еще не легла спать. Последние дни она редко выходила из отцовской мастерской. В дальнем углу она поставила себе раскладушку, а мыться приноровилась при помощи тряпки и большого кувшина. Эш подозревал, что питается она одними только сэндвичами с сыром и подгоревшим кофе, а все свое время тратит

на изучение отцовских заметок, надеясь разобраться в его исследовании и найти способ, как остановить предсказанные им землетрясения.

Увидев в окнах свет, Эш испытал странное чувство – разочарование, смешанное с отчаянной надеждой. Необычное чувство – и болезненное, и обнадеживающее одновременно. Ему хотелось, чтобы Зора оставила эти тщетные попытки, и в то же время он молил небеса, чтобы у нее все получилось.

А может, это чувство не такое уж необычное. Может, надежда всегда сопровождает и усиливает разочарование.

Дверь мастерской приподнялась, и из-под нее хлынула вода. Но не прошло и пары мгновений, как она замерла, точно ее заклинило, несмотря на натужный скрежет подъемного механизма. Эш нахмурился и снова нажал на кнопку пульта дистанционного управления дверью. Она не поддавалась, и тогда он подвел моторную лодку поближе, чтобы открыть ее вручную.

Единственным источником электричества в Новом Сизтле были немногочисленные солнечные панели, оставшиеся в городе. После землетрясения панелей осталось мало, и потому они особенно ценились. Большинство знакомых Эша еще несколько лет назад обменяли свои на деньги или еду. Но Профессор наотрез отказался от такой сделки. До недавнего времени им удавалось разжиться кое-какими продуктами во время полетов в прошлое, но теперь такие вояжи стали невозможны.

Увы, панели уже потихоньку выходили из строя. Они были не предназначены для столь долгой службы, и Эш с ужасом думал о том, что будет, когда они совсем сломаются. Город и без того выживал с огромным трудом.

Лодку он оставил в гараже. Зора, подобрав под себя ноги, сидела на деревянном настиле у воды и сосредоточенно изучала стопку отцовских рукописей. Свет, отблески которого он заметил в окне, исходил от свечей, выставленных вдоль стен, а не от одинокой лампы в середине потолка.

– Сегодня весь день перебои с электричеством, – пожаловалась Зора, подняв взгляд на лодку Эша. Заметив в ней только двух пассажиров вместо троих, она, поколебавшись, спросила: – Поездка была неудачной?

– Как видишь, – раздосадованно буркнул Эш и резким – пожалуй, даже чересчур – движением выключил мотор. – Теперь твоя очередь хвастаться. Как успехи?

Зора скомкала лист, вырванный из блокнота, и кинула в Эша, но промахнулась. Прямо у них на глазах бумажный ком исчез в черной толще воды.

– Надеюсь, там ничего важного не было, – заметил Уиллис. Он сидел на стуле в темном углу, неподалеку от Зоры, практически сливаясь с обстановкой, несмотря на внушительный рост, бледной кожей и светлыми волосами. Он старательно обтачивал какой-то деревянный клин, который в его мощных пальцах казался маленьким, точно зубочистка.

– Это был список продуктов двухлетней давности, – пояснила Зора, откинув со лба черные косички. – «Яйца, молоко и „Тостер-Штрудель”³». Не понимаю, зачем папа его сохранил.

– «Тостер-Штрудель»? Подумать только, до землетрясения эти штрудели продавались в каждом магазине! – Чандра выбралась из лодки, недовольно проворчав, когда та начала раскачиваться под ней. Сейчас в округе работало несколько подпольных магазинчиков, но в них продавались лишь товары первой необходимости: питьевая вода, рыба, протеиновые батончики. За всем остальным нужно было обращаться в официальные торговые точки, где все продавалось по баснословно высоким ценам.

³ Популярный американский полуфабрикат – замороженный пирог, который необходимо разогреть в тостере перед употреблением. – *Примеч. перев.*

– Мне больше всего нравилась ограниченная серия, с кленовым сиропом и тростниковым сахаром, – призналась Чандра. – Просто пальчики оближешь! Когда все ложились спать, я прокрадывалась на кухню и лопала их!

Уиллис поднял на нее взгляд и нахмурился.

– Так вот почему они у нас постоянно заканчивались!

– Можно подумать, ты никогда не крал газировку и не прятал у себя под кроватью! – парировала Чандра. Склонившись над водой, она грустно посмотрела на то место, где утонул список продуктов. – Нужно сохранять такие свидетельства. Для истории. В память о том, что было до потопа. Возможно, однажды они будут очень высоко цениться!

Эш опустился рядом с Зорой и посмотрел на стопку пожелтевших от времени бумаг – последнюю надежду на спасение этого несчастного города, ушедшего под воду.

Особой уверенности эти бумаги не внушали. Тут были и распечатки с ноутбука Романа, и старые блокноты, и чертежи с записями из отцовского кабинета, и страницы, вырванные из его бортового журнала, и, кажется, даже заметки самой Зоры. Эш узнал ее косой почерк на одном из листов в самом верху стопки и склонил голову набок, чтобы прочесть написанное.

«Черт, и что же все это значит?»

Он нахмурился, не в силах скрыть своего разочарования.

– Я так понимаю, с математическими расчетами по-прежнему ничего непонятно?

– Что-то не припомню, чтобы с нашей последней встречи я получила ученую степень по теоретической физике, – огрызнулась Зора и помассировала веки. – Все бы сейчас отдала за хороший учебник – но увы. Старых списков продуктов у меня предостаточно. А вот книжек – ни одной.

Эш знал, что в ответ лучше всего промолчать. Жалобы на нехватку книг продолжались уже несколько недель. До землетрясения у Профессора была огромная библиотека старых учебников, но после катастрофы она бесследно исчезла – вместе с частью записей. В школе Зора ни физику, ни основы математического анализа не изучала, а учитывая, что интернет, который раньше худо-бедно работал по старенькому модему, на прошлой неделе окончательно пропал, она никак не могла разобраться в записях.

И потому почти все отцовские заметки выглядели для нее как сплошная тарабарщина. Чандра попыталась было помочь Зоре с несложными уравнениями, однако, как она сама любила повторять, одно дело – разбираться в медицине и совсем другое – в путешествиях во времени.

– Вот если понадобится удалить кому-нибудь почку – зови, – сказала она Зоре. – В остальном же я пас, – она покосилась на сложные уравнения и скорчила недовольную гримасу.

– Ну и зачем ученому хранить у себя в кабинете столько хлама? – недовольно проворчала Зора, схватив несколько помятых листов бумаги. – Всякие чеки, старые списки, листы, изрисованные божьими коровками, танцующими чечетку...

Она устало потерла глаза, оставив на носу два грязных пятнышка.

– Наивно было думать, что я смогу в этом разобраться без него. Мир обречен. *И мы тоже.* Пора бы уже... опустить руки.

– Опустить руки... – едва слышно повторил Эш, и на душе у него вдруг стало невыносимо тяжело – казалось, все мирские тяготы разом легли ему на плечи.

Комнаты мотелей, сальная улыбочка Мака, склоненная набок голова Миры.

«Куда же нам теперь идти?»

Он обессиленно провел ладонью по лицу. В этом проклятом, обезображенном мире ему осталось жить всего *неделю*. Если не меньше.

А как бы ему хотелось растянуть это время.

По жилам разлилась огненная ярость – еще мгновение назад ее не было, и вот она уже заполнила его без остатка, смешавшись с отчаянием, печалью и – будь она проклята! – надеж-

дой, от которой он никак не мог отделаться. Он поднялся и стал привязывать лодку – резкими, отрывистыми движениями. Приятно было наконец выпустить пар – пускай и посредством ни в чем не повинной веревки.

Он заметил, как-то отстраненно, точно все это происходило и не с ним вовсе, что все вокруг напряженно затихли. Эш поднял глаза. Уиллис замер на стуле, сжав в одной руке нож, а в другой – деревяшку, Зора остановила рассеянный взгляд на своих бумагах, и только Чандра смело смотрела ему в глаза. Хитрить и таиться она никогда не умела.

– Что такое? – спросил он. Вопрос прозвучал настолько резко и грубо, что ему сразу стало совестно.

Зора шумно вздохнула.

– Ты, по-моему, немножко не в себе.

– Глупости.

Чандра фыркнула.

– Кажется, нам всем надо немного отдохнуть, – заметил Уиллис и отложил свои инструменты на столик, стоявший неподалеку. Эш заметил, что кусочек дерева начал приобретать очертания – оказывается, Уиллис успел вырезать человеческую голову и плечи, но пока поделка оставалась в его огромных руках, этого было никак не понять. – Может, в «Данте» сходим?

Зора потянулась и зевнула.

– Да, не отказалась бы я сейчас от стаканчика.

– Только в душ загляни, – поморщившись, напомнила Чандра.

Зора метнула в нее гневный взгляд, и Чандра пожала плечами.

– Скажи, ты когда в последний раз мылась в ванной, а не из этого кувшина?

– А я лучше помолчу, – тихо проговорил Уиллис.

Эш по-прежнему крепко держал веревку. Он намотал ее на столбик до того туго, что отдельные ворсинки вздыбились и растрепались. Ободренные ладони жарко пылали.

От одной мысли о том, чтобы пойти в бар к Данте, засесть за их любимый столик, пить со всеми спиртное и фальшиво посмеиваться над шутками Уиллиса и нелепым флиртом Чандры, в голове запульсировала боль. Он поморщился и потер виски, надеясь ее прогнать.

– Эш? – встревоженно позвала Чандра. – Как ты? Знаю, ты очень надеялся, что...

Эш почувствовал, как все до единой мышцы напряглись и налились тяжестью, и покачал головой.

– Выйду-ка воздухом подышу, – бросил он и резким движением застегнул куртку до самого горла.

Чандра с отчаянием посмотрела на него.

– Да ладно, Капитан, пойдем с нами! – позвал Уиллис. – Будет весело, вот увидишь!

– Немного прогуляюсь, – будто пропустив его приглашение мимо ушей, сказал Эш и направился к двери в дальнем углу мастерской. – Встретимся у «Данте». Или еще где-нибудь. До скорого.

Уиллис хотел было что-то возразить, но Зора остановила его, вскинув руку.

– Пусть идет, – тихо сказала она, не глядя Эшу в глаза. Выходит, она злилась. Злость вообще была главной ее реакцией на чужие эмоции, которых она никак не могла одобрить. Но сейчас Эшу было не до этой ее причуды.

Он распахнул дверь и вышел на пристань. Ледяной ветер обжег лицо и надул куртку, точно парус.

Эшу вспомнились темные волосы Дороти. И ее глаза.

Сейчас ему надо остаться наедине с собой.

И со своими мыслями.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

14 ИЮНЯ 2074 ГОДА

11:47

МАСТЕРСКАЯ

Сегодня я впервые за целую неделю зашел в мастерскую. Обычно я навещаю сюда ежедневно, но последние дни у меня, как это ни иронично, не хватает времени.

У нас каждый день проходят тренировки с участием НАСА и моей новой команды, а еще встречи с АПТЗП, не говоря уже о пресс-конференциях, на которых мы рассказываем общественности о наших планах. А сегодня нам устроили фотосессию почти на весь день. Фотосессию, это ж надо!

Мягко скажем, меня это все расстраивает. В конце концов, я ученый и хочу, чтобы меня оставили в покое и не мешали мне работать. Но успех моего недавнего эксперимента превратил меня в, если можно так выразиться, знаменитость, к чему я вообще-то никогда не стремился. Недавно я поймал себя на том, что скучаю по тем денькам, когда меня еще никто не знал и когда путешествия во времени оставались загадкой, о которой я думал денно и нощно.

В те далекие времена строительство машины времени вообще не входило в мои планы. Сказать по правде, довольно хлопотно поднимать в воздух целый корабль всякий раз, когда просто хочешь ненадолго отправиться в прошлое, а управляться со временным туннелем и экзотическим веществом, которого к тому же всегда не хватает, – вдвойне непросто. Думаю, я куда быстрее раскрыл бы тайну путешествий во времени, если бы не эти заковыристые задачи, на решение которых у меня ушло столько лет. Не буду лукавить, первые попытки справиться с ними обернулись для меня сокрушительным поражением.

И все же я и по сей день иногда пересматриваю старые записи, гадая, не упустил ли чего. Может, во времени и впрямь можно путешествовать без корабля, без анилы и даже без экзотического вещества?..

Все эти размышления напомнили мне о Николе Тесле, американском изобретателе сербского происхождения, который был блистательным инженером-механиком, инженером-электриком, физиком и новатором.

Тесла потратил много времени и средств на то, чтобы создать устройство, которое сможет передавать электрическое напряжение безо всяких проводов. Так появилась его знаменитая катушка.

Вы наверняка знаете, что это такое. Огромный медный клубок, так и разящий электрическими разрядами. Со стороны Тесла казался эдаким ученым-фанатиком, одержимым своим детищем, но, увы, так и не смог довести его до ума. Целый ряд его теорий о том, как энергия и электричество пронизывают земную кору, основывались на недостоверных научных сведениях, а в погоне за идеей «свободной энергии» он растратил все свои деньги и погубил репутацию. И это очень досадно, ведь он был одним из умнейших людей, каких только видывал свет. Да что там, истинным гением.

А вспомнил я о нем потому, что он долгое время наблюдал за электрической активностью молний и пришел к выводу, что при помощи земного шара можно свободно создавать элек-

тричество. К сожалению, в этом он просчитался, но его научные методы были правильными. Ошибка крылась в предположении, как именно земля отреагирует на воздействие.

А вот анил, напротив, отреагировал ровно так, как предсказывал Никола.

Не стану докучать вам излишними подробностями. Скажу только, что Тесла был совершенно прав, пускай и сам не знал, насчет чего. Сегодня большинство ученых полагают, что по всей планете разбросано множество анилов, вот только они скрываются глубоко под земной корой. По одной из популярных теорий Пьюджетский анил попал в зону видимости из-за движения тектонических плит, и через пару сотен лет вследствие эрозии земной коры появится еще несколько временных туннелей. А если так, не исключено, что в экспериментах Теслы был задействован некий подземный анил, о существовании которого он и не догадывался.

Тесла был, по сути, первым в истории путешественником во времени. Поговаривают, будто он даже видел будущее. Однажды, после мощного удара током из катушки, он так и сказал: «Я видел прошлое, настоящее и будущее одновременно!»

Если он не солгал и действительно наблюдал прошлое, настоящее и будущее единомоментно, значит, ему удалось отправиться в путешествие во времени без анила, без экзотического вещества и без корабля!

Мне непременно нужно с ним поговорить!

5

Дороти

Когда они приземлились, в гараже у отеля «Фейрмонт» было темно и пусто. Роман и Дороти, не проронив ни слова, достали из заднего отсека машины времени награбленные сокровища, спустились по лестнице в глубины подвала и остановились у тяжелой двери без каких-либо опознавательных знаков.

Роман выхватил из внутреннего кармана старый ключ, и до слуха Дороти донесся тихий щелчок металлического замка. Дверь с тихим скрипом отворилась, открыв их взору бархатистый крошечный мрак, сгустившийся в комнате.

Послышался новый щелчок, и в помещении вспыхнул свет.

У Дороти – как и всегда – перехватило дыхание. От столь восхитительного вида буквально разбегались глаза. В углу лежал внушительный ворох рукописных свитков, украденных из Александрийской библиотеки перед тем страшным пожаром, случившимся в 48 году до н. э.⁴ А прямо перед ней висели утерянные фрагменты гобелена из Байе, изображавшие коронацию Вильгельма Завоевателя, состоявшуюся в Рождественский день 1066 года. На столике у ее ног поблескивали утраченные сокровища короля Иоанна⁵.

Скользнув по драгоценностям взглядом, Дороти не смогла сдержать улыбки, вспомнив, как они с Романом на неделю отправились в 1216 год, к заливу Уош. Историки уже не одно столетие спорят, как же так вышло, что король потерял все свои богатства, но оказалось, что сундук с ними попросту выпал из его повозки, пока он проезжал под мостом Саттон-Бридж. Дороти с Романом дождались, пока король с солдатами пронесутся мимо, а потом забрали оброненный ими сундук. Роман тут же надел корону, украшенную восхитительными драгоценными камнями, и не снимал ее до самого возвращения домой.

– Уже половина десятого, – напомнил Роман, прервав поток ее воспоминаний. – К трансляции готова?

Ах да. Трансляция.

Как это ни иронично, эту идею подал ей Эш.

Как-то раз он сказал ей, что циркачи «хотят вернуться в прошлое», потому что «думают, что это средство от всех бед».

Тон у него был насмешливый, точно эта мысль казалась ему идиотской, но Дороти тогда поймала себя на том, что она с ним в корне не согласна. В самом деле, разве есть на свете беда, от которой нельзя спастись, если умеешь *путешествовать во времени*?

Она начала думать о том, что же делать, чтобы ситуация в городе хоть чуть-чуть изменилась. Новому Сиэтлу по меньшей мере нужны электричество, пища и медикаменты. Как-никак город сильно страдает от холода, голода и болезней.

До того, как оказаться здесь, Дороти была мошенницей и не могла похвастаться добрыми делами. Но теперь, впервые в своей жизни, ей стало под силу помочь сотням людей. И она твердо знала, что делать.

Но загвоздка состояла в том, что жители Нового Сиэтла недолюбливали циркачей. Для горожан они были бандой воров и головорезов, захватившей город после мегаземлетрясения.

⁴ В 48–47-х гг. до н. э. Юлий Цезарь вел ожесточенную войну в Египте. Разразившийся в ходе военных действий пожар нанес серьезный урон библиотечному фонду. – *Примеч. перев.*

⁵ Имеется в виду английский король Иоанн Безземельный (1167–1216), один из богатейших людей своего времени. Известен, помимо прочего, тем, что обожал драгоценности и всегда возил их с собой. Согласно легенде, во время одной из таких поездок все его сокровища утонули в заливе Уош, и с тех пор их никто не видел. – *Примеч. перев.*

Но Дороти знала их совсем с другой стороны и несколько месяцев назад поделилась с Романом своим планом.

– Давай пообщаемся с людьми напрямую? Можно, скажем... устроить *трансляцию*... – предложила она, запнувшись на этом новом слове, которое выучила лишь недавно. – Жители города ведь и знать не знают о том, что известно нам. Не знают, что путешествия во времени по-прежнему возможны! Давай я попробую привлечь их на нашу сторону!

В углу подвала «Фейрмонта» они соорудили импровизированную студию с настоящими камерами и прожекторами, «позаимствованными» из одного закрывшегося телецентра (ради этого им пришлось слетать в 2044 год), и с «задником», сделанным из потрепанного американского флага, – по утверждению Романа, такой фон подчеркивал их бунтарский настрой.

Дороти наивно полагала, что задача эта нетрудная. Подумаешь – выступить на *телевидении* (еще одно новое слово) и рассказать людям, что делать. Но на деле все оказалось куда сложнее. Недоверие к циркачам глубоко засело в людских головах. На то, чтобы подготовить почву и заронить в нее нужные семена, ушел почти год, за который Дороти записала целых двести ежевечерних обращений. Но теперь до цели оставалось всего ничего.

Дороти заняла свое место перед флагом. В глаза ударил яркий свет прожекторов, и она сощурилась. Впрочем, ее лица под черным капюшоном все равно никто не увидел бы. Роман подошел к камерам и панели управления, и комната наполнилась резким писком кнопок и щелчками рычажков.

– Три... – донеслось до Дороти сквозь пелену ослепительного света.

Она набрала в легкие побольше воздуха.

– Два... – продолжил отсчет Роман.

Ну что ж, надо собратъся.

Роман поднял указательный палец и спустя мгновение ткнул им в Дороти.

Начали.

– Друзья! – воскликнула Дороти под громкий стук сердца, колотящегося где-то у самого горла. – Не пытайтесь перенастроить свои телевизоры. Мы взломали систему, и сейчас нас показывают по всем каналам.

6 Эш

Эш редко гулял по Новому Сиэтлу в темное время. Слишком велики были шансы на неприятные встречи – либо с Фиглярами, выискивающими легкую добычу, либо с каким-нибудь недоброжелателем, который, узнав Эша, ставшего известным еще до мегаземлетрясения, вполне мог накинуться на него с кулаками. Город был безопасен разве что для тех, кто мог откупиться от грабителей и подонков, снующих по причалам под покровом ночи. У Эша же денег не было, а если бы и были, гордость ни за что не позволила бы ему платить за собственную безопасность.

К тому же сегодня выдалась особенная ночь. Он ощущал небывалый прилив сил и в то же время никак не мог отделаться от чувства, будто он спит и видит удивительный сон, но никак не может проснуться. Его так и подмывало ввязаться в драку, измолотить кулаками чью-нибудь теплую плоть.

Но кругом не было ни души. Кожа зудела от напряжения.

Он дошел до развилки, где причал раздваивался. Одна дощатая тропа уходила вдаль, туда, где зловеще темнели воды и проступали во тьме призрачные белые деревья и заросшие мхом крыши. А вторая вела в город. Ни одно из окон не светило – запасы электричества, оставшегося в центральной части города, расходовались исключительно на то, чтобы смотреть по телевизору ежевечерние трансляции. Но Эш все равно различил на фоне черного неба очертания городских домов.

Он едва не рассмеялся вслух – до того символичными выглядели эти дорожки – одна «плохая», другая – «хорошая». Можно было повернуть направо и погулять в темноте с полчаса, остыть немного, а потом отправиться в бар «У Данте» к друзьям, которые к тому времени уже, наверное, будут пить по второму коктейлю. А можно было – налево и углубиться в город, где бродили цирковые Фигляры и те, кто мог от них откупиться.

Откуда-то издали послышались голоса. Эша вдруг одолела злость. Трудно было смириться с мыслью, что в городе есть люди, которые могут бесстрашно бродить по ночным улицам.

«Неделя», – пронеслось у него в голове.

Он пробормотал:

– Какая, к черту, разница!

Нет, он все-таки повернет налево. Определенно.

Он спрятал руки в карманы куртки, опустил голову и зашагал против шквалистого ветра. Ноябрь в этом году выдался холодным для северо-западного побережья, но сегодня прохлады Эша только радовала. Нырнув в нее, он смог хоть немного остудить беспощадный огонь, что пылал у него внутри.

Чем ближе он подходил к домам, тем громче становились голоса. Из бара неподалеку высыпала небольшая группа молодых людей в фланговых пальто.

– Как же она на *тебя* пялилась! Ты что, не заметил? – возбужденно спросил один.

Его собеседник только фыркнул.

– Быть такого не может!

– Давай завтра вернемся, и ты сам у нее спросишь! – предложил первый.

Эш сбавил шаг, пропуская юношей. Отчего-то они вызывали в нем раздражение. Может, дело в том, что они, судя по виду, не нуждались в деньгах, а может, в том, что юнцы казались достаточно сдержанными и воспитанными, чтобы можно было вступить с ними в драку.

А еще они были... счастливы.

Эш проводил их взглядом. Все до единого мускулы в его теле болезненно напряглись. Компания дошла до конца пристани и исчезла из виду, а голоса затихли вдали. Эш дернул за ручку двери, ведущей в бар, откуда только что выпала молодежь, и вошел внутрь, даже не потрудившись прочесть табличку над входом.

Внутри в полумраке поблескивали черные стены, столики, начищенные до металлического блеска, и барные стулья, обтянутые черной лоснящейся кожей. Над баром висел телевизор, но он был выключен.

Помещение было забито людьми. Эшу показалось, что кто-то из толпы внимательно его оглядел, но у него не было сил думать о том, узнали ли его, есть ли среди посетителей бара те, кто до мегаземлетрясения симпатизировал циркачам, и так далее.

До исчезновения Профессора к нему и его команде относились весьма... неоднозначно.

Некоторые видели в Профессоре гения, от которого напрямую зависит будущее науки и технологий.

Но были и те, кто считал его слетевшим с катушек ученым, которому есть дело только до умных книжек и экспериментов, а мир вокруг пусть пропадает пропадом – ему все равно.

И, надо сказать, толика правды была в том и другом.

Эш пересек зал, пригнув голову, и занял свободный стул у бара.

Перед ним тут же возник бармен и, смерив посетителя чересчур пристальным взглядом, спросил подчеркнуто вежливым тоном:

– Чего желаете?

– Пиво? – удивленно переспросил Эш, пробежав глазами меню, выведенное мелом на доске у бармена за спиной. – У вас оно правда есть?

После мегаземлетрясения в большинстве баров Нового Сиэтла настоящего пива уже не продавали. Во всяком случае, если судить по тем заведениям, в которые любил заглядывать Эш. Слишком уж оно выросло в цене.

Бармен не спешил с ответом. Он перевел взгляд на толпу, а Эш с трудом подавил в себе желание оглянуться и проверить, не шепчется ли кто у него за спиной, поглядывая в его сторону. Давненько он не получал в барах отказов в обслуживании.

– Дружище, наполни-ка мне кружку, – попросил он, нырнув рукой в карман куртки. За пиво придется уплатить половину той суммы, которую он забрал у Мака после того, как Чандра его пристрелила, но сейчас это не столь важно. – Обещаю, бузить не стану...

Телевизор над баром включился, Эш так и замер на стуле, не успев вынуть руку из кармана.

На экране появилась мрачная фигура в черном плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. Позади нее висел изорванный американский флаг. На плаще белело изображение лисы.

– Друзья! – начала Квинн своим искаженным, нечеловеческим голосом. – Не пытайтесь перенастроить свои телевизоры. Мы взломали систему, и сейчас нас показывают по всем каналам.

– Так что с пивом-то, вам наливать? – уточнил бармен.

Эш резко вышел из оцепенения, достал конверт с деньгами и протянул бармену слегка промокшую купюру, не сводя глаз с экрана.

А Квинн тем временем продолжала:

– Сегодня я принесла вам хорошие вести. Целый год Черный Цирк силился разгадать тайну путешествий во времени, сокрытую профессором Захариасом Уолкером. И сегодня я с радостью сообщаю вам о том, что Профессор битву проиграл. Секрет путешествий во времени теперь у нас в руках! Наконец-то!

Вся болтовня в баре мигом стихла. Кто-то одобрительно присвистнул, а потом в толпе раздался возглас:

– Давно пора!

Эш до того сильно стиснул конверт с наличными, что руку свело судорогой. Он торопливо убрал деньги и принялся разминать пальцы.

Он знал, что циркачи научились путешествовать во времени. Точнее сказать, всерьез подозревал. В конце концов, тогда, в 1980 году, на базе Форт Хантер, он собственными глазами видел их корабль и, кажется, даже Романа с Квинн.

Но ему так и не удалось понять, как именно они перемещаются, раз у них нет экзотического вещества. Впрочем, в последние несколько недель он старательно задвигал этот вопрос подальше в угоду более важным и срочным вещам.

Но теперь о нем вспомнил.

– Мы бы хотели, скажем так, отметить это событие и покутить всласть и потому приглашаем вас всех в отель «Фейрмонт»! – объявила Квинн. – Завтра в семь вечера Черный Цирк устраивает там праздничный маскарад! Приходите! И увидите, как при помощи путешествий во времени мы вместе построим счастливое настоящее и блестящее будущее! И создадим новый, прекрасный мир!

Изображение на экране застыло. Эфир подошел к концу.

Вокруг возобновился оживленный гул голосов. Откуда-то из толпы до Эша донеслось: «Квинн Фокс». Вот только говоривший произнес это имя без страха – скорее даже с восторгом. Подумать только.

Второй уточнил обыденным тоном, точно речь шла о чем-то таком, во что он не до конца верил:

– Она ведь *каннибал*, да?

А следом прозвучало:

– Ты же сам слышал! Она хочет нам помочь! Хочет все исправить!

Параллельно с этой оживленной беседой шла еще одна – о Профессоре и Агентстве защиты хронологии. О нем самом.

– Нет, ну это же эгоизм чистой воды! – гневно воскликнул кто-то. – Прибрать к рукам все технологии – и никому о них не рассказывать!

– Путешествия во времени должны быть доступны каждому! – поддержал его другой. – Квинн Фокс исправит эту несправедливость!

Эш неодобрительно поморщился, стараясь больше не вслушиваться в эти речи. Подумать только, до чего коротка людская память! Стоило Квинн поманить народ пальчиком, точно осла морковкой на палке, – и все мигом забыли о многолетнем беспределе Черного Цирка!

Он поднес ладонь к лицу, вспоминая, как мимо него пронесся кинжал Квинн, чудом не задев кожу. Он говорил с ней всего раз в жизни – на пристани у отеля «Фейрмонт».

– Мы уходим, – сказал он тогда, опасливо попятившись.

– Слишком поздно, – заявила на это Квинн и метнула в него свое беспощадное оружие.

Он отчетливо помнил жар металла у самой щеки, нервные импульсы, разбежавшиеся по коже, потрясение, на миг сковавшее его сердце беспощадными тисками, и мощный выплеск адреналина.

И в эту девушку ему суждено влюбиться! Превспоминания никогда не лгут. Вот уже целый год, залетая в анил, Эш каждый раз видел одну и ту же картину: девушку с белыми волосами в лодке, белые деревья, ночную тьму. И каждый раз девушка дарила ему поцелуй и убивала его. Ему суждено было ее полюбить, а ей – предать его.

У Квинн Фокс были точно такие же белоснежные волосы. Она и была той самой девушкой.

Эш зажмурился и сглотнул ком, вставший в горле. В венах жарко и тревожно пульсировала кровь.

Превспоминание было столь же реальным, как настоящие воспоминания. Он чувствовал солоноватый запах воды. И жар губ Квинн Фокс.

Поддавшись бессознательному порыву, он нырнул рукой в карман. Пальцы нащупали помятую книжицу в кожаной обложке и вытащили ее на свет.

Старый журнал Профессора порядком истрепался. За последние три недели Эш перечитал его, наверное, раз сто, тщательно выискивая в записях своего учителя (среди которых были и описания любопытных случаев из жизни, и какие-то загадочные зарисовки, и обрывочные заметки) потайные смыслы и подсказки. Эш уже не верил в то, что его пре-вспоминанию можно помешать сбыться, но все равно надеялся найти в этой записной книжке какой-нибудь ценный совет. Или хотя бы знак того, что все будет хорошо.

Он стиснул зубы и медленно выдохнул, жалея, что Профессор, увы, не сидит на соседнем стуле и с ним нельзя поговорить.

Еще бы, ведь он погиб. Его убили на базе Форт Хантер 17 марта 1980 года. И от него только и осталось, что этот потрепанный журнал в кожаном переплете.

Эш начал снова пролистывать зачитанные страницы и вдруг замер, обнаружив, что из переплета торчит обрывок бумаги. Сперва ему показалось, что недостает всего одной странички, но, приглядевшись, он заметил, что выдрано сразу несколько. Эш задумчиво провел пальцем по обрывкам страниц, сдвинув брови. Неужели их вырвал Профессор, пожелав скрыть содержание одной из записей? Но почему?

Неожиданно перед ним снова возник бармен. Теперь он уже смотрел с нескрываемым подозрением.

– Послушайте, одну кружку я вам налью, так и быть, но...

– Наливай сразу две, – резко перебил его Эш. Бармен недовольно нахмурился, и тогда он сунул руку в карман и положил конверт с деньгами на барную стойку, звучно припечатав его ладонью. В конце концов, какой смысл в экономии, если жить ему осталось меньше недели?

Бармен опасливо заглянул в конверт (видимо, испугавшись, что там может быть яд), а потом одобрительно вскинул бровь, пересчитав купюры. Недаром говорят, что самый верный способ расположить человека к себе – это вручить ему пачку купюр, желательно в твердой валюте. Он спрятал конверт в карман и отвернулся, чтобы налить Эшу пива.

– Наливай, не желей, – велел ему Эш.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

27 АВГУСТА 1899 ГОДА

16:24

НЕПОДАЛЕКУ ОТ КОЛОРАДО-СПРИНГС

Я тороплюсь, так что напишу буквально несколько строк. Никола Тесла только что убежал в дом в поисках бурбона, и мне не очень хочется, чтобы он, вернувшись, застал меня с карандашом и блокнотом в руках.

Его, скажем так, временами одолевает паранойя... Не хочу давать ему лишних поводов для подозрений.

Сейчас я сижу на деревянном стуле посреди экспериментальной станции Теслы близ Колорадо-Спрингс. Здание напоминает просторный амбар, большую часть которого занимает гигантская катушка – пожалуй, я в жизни не видел ничего подобного. Есть здесь и другие

приборы: генераторы, лампочки и так далее, но при этом на станции почти никаких бытовых удобств. Когда я спросил Николу, где он обедает и чем вообще подкрепляет силы, он посмотрел на меня как на марсианина.

Кстати сказать, он не верит моим рассказам о путешествиях во времени. Куда больше ему нравится думать, будто я прибыл с другой планеты.

Впрочем, я сам в этом виноват. Я приземлился чересчур близко к его мастерской, и Никола увидел мой корабль. Учитывая, что путешествовать по воздуху люди начали только в 1903 году, как вы, вероятно, помните, я со своей летающей посудиной на целых четыре года перегнал технический прогресс. К тому же для конца девятнадцатого века мой корабль и впрямь выглядит чересчур навороченным. Словом, гипотезы Николы о моей «инопланетности» вполне логичны.

Кажется, он идет! Скорее прячу блокнот, пока меня не поймали с поличным...

7

Дороти

Прожектора резко погасли, и Дороти окутала тьма. С непривычки у нее сперва зарябило в глазах, а зрение помутилось. Она слышала только, как звонко стучат кнопки и мерно затихают моторы.

А потом послышался насмешливый голос Романа.

– «Покутить всласть»? Ты серьезно? Кажется, еще немного – и ты выдашь свой истинный возраст!

Дороти потерла глаза.

– А что, так уже не говорят?

– Уже лет сто, – заверил Роман, выйдя из-за камер с сумкой, полной украденных шедевров.

Сумку он опустил в тележку, где уже лежали некоторые из драгоценностей короля Иоанна, достал из нее картину Вермеера и принялся внимательно ее рассматривать, склонив голову.

– Подумать только, а ведь за последние двести лет мы – первые, кому довелось увидеть этот шедевр! – с благоговением заметил он.

Рябь в глазах у Дороти наконец прошла, и она перевела взгляд на картину. Та и впрямь потрясала воображение. Впрочем, дело было не только в непревзойденном мастерстве художника – в той же степени Дороти восхищали и изумительные красоты краев и времен, которыми им с Романом довелось полюбоваться. Порой они отправлялись в путешествия по необходимости, а иногда – только потому, что кому-то из них хотелось повидать ту или иную страну или эпоху.

С полотнами Вермеера, которые Дороти мечтала увидеть своими глазами, так и получилось. И теперь, вспоминая о том путешествии, она украдкой улыбнулась и отвела взгляд от картины.

Приблизившись к Роману, она взяла королевский скипетр.

– Честно говоря, не понимаю, зачем он вообще нужен, – проговорила она. – Это же, по сути, просто красивая палка и ничего больше. Или все-таки...

Кто-то многозначительно прочистил горло у Дороти за спиной, давая понять, что они с Романом не одни. Не выпуская скипетра из пальцев, она обернулась.

На пороге стояла девушка – высокая, широкоплечая, с пышными бедрами и длинными рыжими волосами, заплетенными в косу. Кожа у нее была усыпана веснушками – их было так много, что различить ее цвет было крайне трудно. На лице поблескивали большие темно-карие глаза.

– Мира! – удивленно воскликнула Дороти. Мира работала в борделе Мака Мерфи. И хотя он не питал особого доверия к женщинам, Мире, с которой они познакомились еще до потопа, он временами поручал дела, не входящие непосредственно в ее обязанности.

Вот только с Черным Цирком Мак всегда общался лично. И раз вместо него пришла Мира, значит, с ним что-то случилось.

Дороти вдруг охватила тревога. Она окинула комнату взглядом. Кроме нее и Романа никто не знал о существовании этой сокровищницы.

– Может, в холле поговорим...

Мира усмехнулась и склонила голову.

– Я здесь совсем по другому поводу, – сказала она своим резким голосом, не отводя, впрочем, восхищенного взгляда от драгоценностей.

– По какому? – спросил Роман.

– Мак сегодня... занят, – невозмутимо ответила Мира, но от Дороти не укрылся лукавый огонек, вспыхнувший в ее глазах. Она явно чего-то недоговаривала. – И попросил меня сходить к вам за оплатой.

После мегаземлетрясения и потопа циркачи обосновались в отеле «Фейрмонт». Здание сильно обветшало как снаружи, так и внутри, но в центре Сиэтла это был, пожалуй, единственный отель, где еще можно было жить, и потому он в два счета стал очень ценным. Циркачи сумели оставить его за собой только потому, что долгие годы исправно откупались от всяких проходимцев вроде Мака.

Роман вытащил из кармана конверт и протянул Мире.

Она кивнула и, сжав губы, принялась сосредоточенно пересчитывать купюры. А потом подняла на собеседников вопросительный взгляд.

– Боюсь, этого мало.

– Мы доплатим на будущей неделе, – пообещала Дороти.

– Правда? – недоверчиво переспросила Мира, пряча конверт в карман. – Вы нам уже в третий раз задалживаете! Ходят слухи, что последнее время кое-кому из вас куда интереснее изображать из себя Робин Гуда, чем зарабатывать деньги.

На мгновенье в комнате повисла неловкая тишина. Дороти вернула королевский скипетр на стол, а Мира пристальным взглядом проследила за ее движением.

Дороти пожалела, что нельзя откупиться скипетром или любым другим из сокровищ. Несмотря на историческую ценность, их невозможно было выгодно продать. В Новом Сиэтле ни у кого не было денег на драгоценности и золото.

С ресурсами тут уже давно было туго. После того как мегаземлетрясение разорило почти все Западное побережье, правительство Соединенных Штатов приняло решение о переносе границ, по сути отрезав пострадавшие города от остальной части материка и бросив их на произвол судьбы. Отныне весь национальный бюджет распределялся только на десяток центральных штатов, что вызвало стремительный рост инфляции на побережьях.

Небольшой мешок пшеницы, которого одному человеку хватило бы всего на неделю, стоил под двести долларов, за чистую воду нужно было отдать на несколько сотен больше, как и за витамины, без которых трудно было уберечься от цинги. И это при том, что большинство жителей Нового Сиэтла не имели заработков и возможности выращивать что-нибудь у себя в огороде.

До того как Дороти примкнула к Черному Цирку, он представлял собой банду мелких воришек, насчитывавшую десятка три членов – по большей части детей и подростков, измученных голодом. Точно бродячие псы, они накидывались на всех без разбора и готовы были биться за крохи.

Но Дороти сумела их организовать. Она обучила циркачей простым мошенническим трюкам, доказала им, как важно действовать сообща. И тогда они начали зарабатывать по несколько сотен долларов в неделю, попросту обкрадывая недальновидных горожан, которым хватило глупости выйти на улицу с наступлением темноты.

Но так было *раньше*. Наивно было полагать, что горожане проникнутся к циркачам доверием, если они продолжают обирать их до нитки. Поэтому Дороти велела Фиглярам повременить с грабежами. Хотя бы немного.

Это отнюдь не прибавило ей уважения в их глазах. Фигляры любили деньги, а их с каждым днем становилось все меньше.

– Мак попросил кое-что вам передать, – продолжила Мира. – Он очень рассчитывает получить остаток суммы до завтрашнего вечера.

– А если денег не будет? – бесстрастным голосом уточнил Роман.

Дороти посмотрела на него, но увидела лишь губы и подбородок – остальное ей помешал разглядеть капюшон. К завтрашнему вечеру у них ни за что бы не получилось раздобыть нуж-

ную сумму, но по виду Романа этого никак нельзя было сказать. Он обладал поразительной способностью, которая частенько выводила Дороти из себя: чем жарче в нем вскипала злость, тем хладнокровнее и собраннее он казался со стороны.

И сейчас он излучал спокойствие и невозмутимость. Но Дороти заметила, как забила жила у него на щеке. Больше он ничем себя не выдал.

– Уж не знаю, что скажет на это Мак, но что-то мне подсказывает, что он будет страшно недоволен, – заметила Мира, обведя Романа внимательным взглядом, и кивнула на камеры, стоявшие в углу. Ее губы насмешливо дрогнули, и Дороти вдруг подумалось, что она тайком наблюдала за тем, как Квинн Фокс в очередной раз выходила в эфир с обращением к жителям Нового Сиэтла. – Давайте он сам заглянет завтра на вашу вечеринку и поговорит с вами лично. Что скажете?

Дороти вдруг сделалось не по себе. Это что, угроза?

Фигляры были влиятельны и сильны, но не шли с Маком ни в какое сравнение. Как-никак своим отвратительным, сутенерским ремеслом он зарабатывал приличные деньги, на которые мог разжиться всяким добром, продающимся только в центре.

В том числе и огнестрельным оружием. И патронами. От одной мысли о потасовке с этим человеком у Дороти по спине побежали мурашки.

Мира развернулась и исчезла за дверью.

– Что ж, – подытожил Роман, когда она удалилась. – Кажется, наш план под угрозой срыва.

8

Эш

Он и сам не помнил, как добрался до дома. Казалось, еще секунду назад он сидел за барной стойкой, склонившись над остатками выпивки, пенящимися в кружке, – и вот он уже ныряет в окно старого университетского здания, изнывая от неприятного кислого привкуса, застывшего во рту.

Привкуса *пива*. Эш недовольно поморщился. Кажется, с алкоголем он перебрал. Он не помнил, как заказывал и выпивал третий (если не четвертый) стакан, но, судя по всему, без этого не обошлось.

Пошатываясь, он пересек холл, придерживаясь за стенку, и сбросил на ходу ботинки. Через пару шагов он ударился ногой о гантель, позабытую Уиллисом посреди комнаты, и, ругнувшись, запрыгал на одной ноге.

Поблизости послышался какой-то шорох, а следом и голос Зоры.

– Эш? Это ты?

Эш опустил ушибленную ногу на пол, морщась от боли. В нос ударил запах кофе. Выходит, Зора поджидала его и не спала. Кажется, он задержался сильнее, чем рассчитывал.

Прихрамывая, Эш пересек коридор и зашел на кухню.

Зора стояла, прислонившись к столу. Вместо привычного спокойствия на ее лице застыла тревога. Чандра сидела неподалеку и с чрезмерной сосредоточенностью вертела в руках какую-то промасленную шестеренку, а Уиллис делал вид, что заваривает чай, что было довольно нелепо, учитывая, что вся комната пропиталась запахом кофе.

– А чего вы не спите? – проворчал Эш.

Чандра поморщилась и зажала шестеренку двумя пальцами.

– Ты что, пьяный? – спросила она таким тоном, точно имела в виду: «Ты что, *дурак*?»

Эш нахмурился. Неужели он и впрямь напился? Раньше такого за ним не водилось. Но он несколько себя не винил. В конце концов, жить ему осталось меньше недели. А что еще делать перед смертью? Конечно же, напиваться.

– Мы тут трансляцию обсуждали, – сказала Зора.

Эш опустился на стул и закинул ногу на ногу, чтобы получше рассмотреть ушибленную стопу, обтянутую носком, заношенным почти до дыр.

– Вы тоже ее смотрели? – спросил он.

Чайник засвистел. Уиллис снял его с плиты.

– Весь город ее смотрел, Капитан, – сказал он, достав из шкафчика, висящего над плитой, чашку со сколотым краем. – Все только о ней и говорят.

– Черный Цирк научился путешествовать во времени, – тихо проговорила Зора, устало проведя рукой по лицу. – Мы, конечно, и так об этом догадывались, но теперь...

Она недоговорила, но Эш прочел ее мысли. И правда: одно дело – догадываться о путешествиях циркачей и совсем другое – слышать, как Квинн сообщает о них всему городу. В глубине души Эш до сих пор надеялся, что увиденное ими на базе Форт Хантер объяснялось лишь случайностью.

Чандра посмотрела на Эша и поджала губы.

– Где ты пропадал всю ночь? Обещал же, что придешь к «Данте»!

Эш вяло заморгал, стараясь разогнать хмельной туман в мыслях. Взгляды всех, кто был на кухне, устремились к нему. Все ждали объяснений.

– Я... решил прогуляться немного, – наконец ответил он и пожал плечами, точно это могло хоть как-то смягчить всеобщее возмущение. – И набрел на один бар неподалеку от «Фейрмонта»...

- Так ты к «Фейрмонту» ходил? – Чандра гневно швырнула шестеренку на пол. – Зачем?
- Квинн искал, по всей видимости, – ответила за него Зора.

Чандра хмыкнула. Усы Уиллиса, сосредоточенно наливавшего себе чай, едва заметно дрогнули. Догадка Зоры явно никого не удивила.

– Ты им, значит, все рассказала? – с нескрываемым раздражением спросил Эш у Зоры. После того рокового полета в Форт Хантер он признался Зоре, что в его превспоминаниях каждый раз появляется не кто иной, как Квинн Фокс, и именно она вскоре лишит его жизни. Уиллису с Чандрой он об этом *точно* не говорил, но они, судя по всему, уже все знали.

Зора взглянула на него без тени сожаления.

– Само собой. К чему эти дурацкие тайны?

На мгновение Эш лишился дара речи. Он ведь сохранял все в секрете до поры до времени, потому что и сам не знал, что думать! Квинн Фокс, убийца из Черного Цирка! Каннибал, наводящий ужас на Новый Сие́тл! Как, ну как возможно, чтобы он в *нее* влюбился?

Впрочем...

Злость полыхнула в нем яркой вспышкой, но быстро потухла. Странно обижаться на то, что кто-то там разболтал твои секреты, когда жить тебе осталось всего несколько дней. Да и потом, может, Зора права – и в тайнах и впрямь нет особого смысла.

– И что же, ты с ней встретился? – осведомилась Чандра.

Эш нахмурился.

– Что?

– Ты же пошел ее искать, так? – уточнила она, вскинув брови. – И как, получилось?

– Если бы получилось, он бы нам рассказал, – вступился за Эша Уиллис, хотя в его голосе не чувствовалось особой уверенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.